

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ОТДАЛЕННЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

Том 2

Каменская

Александра Маринина

Отдаленные последствия. Том 2

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Отдаленные последствия. Том 2 / А. Маринина — «Эксмо»,
2021 — (Каменская)

ISBN 978-5-04-158137-4

Вы когда-нибудь слышали о термине «рикошетные жертвы»? Нет, это вовсе не те, в кого срикошетила пуля. Так называют ближайшее окружение пострадавшего. Членов семей погибших, мужей изнасилованных женщин, родителей попавших под машину детей... Тех, кто часто страдает почти так же, как и сама жертва трагедии... В Москве объявился серийный убийца. С чудовищной силой неизвестный сворачивает шейные позвонки одиноким прохожим и оставляет на их телах короткие записки: «Моему Учителю». Что хочет сказать он миру своими посланиями? Это лютый маньяк, одержимый безумной идеей? Или члены кровавой секты совершают ритуальные жертвоприношения? А может, обычные заказные убийства, хитро замаскированные под выходки сумасшедшего? Найти ответы предстоит лучшим сотрудникам «убойного отдела» МУРа — Зарубину, Сташису и Дзюбе. Начальство давит, дело засекречено, времени на раскрытие почти нет, и если бы не помощь легендарной Анастасии Каменской... Впрочем, зацепка у следствия появилась: все убитые когда-то совершили грубые ДТП с человеческими жертвами, но так и не понесли заслуженного наказания. Не зря же говорят, что у каждого поступка в жизни всегда бывают последствия. Возможно, смерть лихачей — одно из них?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158137-4

© Маринина А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Зарубин	7
Каменская	10
Зарубин	12
Сташис	15
Вишняков	20
Сташис	22
Вишняков	28
Каменская	35
Вишняков	41
Каменская	44
Инга	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александра Маринина

Отдаленные последствия. Том 2

© Алексеева М.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Зарубин

– Пока Игорь Андреевич болел дома, кто-то его навещал? – продолжал спрашивать Дзюба. – Кто-то помогал ему в бытовом плане? А в медицинском? Домработница? Сиделка? Может быть, друзья и бывшие коллеги? Не удивляйтесь, мы спрашиваем об этом, чтобы понять, кто мог иметь доступ к его материалам и наработкам.

Наталья отвечала без особого желания, но, как показалось Зарубину, добросовестно. То и дело морщила лоб, что-то вспоминая, иногда поправляла сама себя. Да, домработница была, сначала приходила два раза в неделю делать уборку, потому что Игорь еще мог сам дойти до магазина, купить продукты и что-то приготовить себе, потом, когда он значительно ослабел и появились сильные боли, стала работать каждый день. За два месяца до смерти пришлось нанять и сиделку. Еще была медсестра, Инга, ставила капельницы, делала уколы и какой-то специальный массаж для снятия болевого синдрома. Конечно, все их контакты у Натальи есть, потому что именно она им платила. Точнее, ее муж. Он давал деньги, а Наталья переводила всем на карты. И перезванивалась с ними периодически, узнавала, как дела у Игоря, как он себя чувствует.

Со слов бывшей жены выходило, что Игоря Андреевича мало кто навещал, визиты гостей с самого начала были редкими, а к концу жизни больного сошли на нет. Когда Игорь умер и оказалось, что по завещанию квартира его отписана Наталье, она растерялась в первый момент. Не ожидала. Игорь ни словом не обмолвился об этом, хотя она ведь разговаривала с ним, пусть не часто, предпочитая узнавать о его состоянии у домработницы, сиделки или медсестры, но все-таки раз в пару недель звонила обязательно. С вопросами наследования она была знакома весьма слабо и плохо представляла себе, что теперь нужно делать, какие бумаги подписывать, и вообще сомневалась, не афера ли это какая-то и не липовый ли нотариус. Мужу решила ничего не говорить, пока не выяснит все точно. И обратилась к тем, кого когда-то знала, пока еще была женой Выходцева. Кто-то из них уже не служил в полиции, но нашлись и действующие офицеры, разузнали, подсказали, помогли. Попутно накопили что-то на девушку, работавшую помощником того нотариуса, раскрутили, вскрыли целую преступную схему. С завещанием Игоря все оказалось в полном порядке, и через шесть месяцев Наталья получила документы о собственности на его квартиру, но оперативники несколько раз беседовали с ней и даже один раз к следователю вызывали.

С того времени двое сослуживцев Игоря, те самые, которые помогали, периодически звонили ей, а бывало, и приходили. Выражали сочувствие, благодарили за то, что материально поддерживала бывшего мужа до последнего дня. Наталья не очень-то понимала, зачем они вообще приходят, ей казалось, что подобная сентиментальность несвойственна современным полицейским, особенно учитывая тот факт, что умирающего Выходцева коллеги просто бросили на произвол судьбы, но считала для себя необходимым быть любезной и гостеприимной с людьми, которые отозвались на ее просьбу о помощи, хотя и не общались с ней несколько лет.

– К вам постоянно приходят только эти двое полицейских или другие тоже? – спросил Дзюба.

«С языка снял, – с одобрением подумал Сергей Кузьмич. – Я бы тоже об этом спросил. Конечно, можно подумать, что тех двоих совесть замучила, чувство вины, вот они и ходят, но за годы работы в среде полицейских я стал циником и пессимистом, в добрые чувства верить разучился. Нет у них никакой совести, и никакой вины они не испытывают».

– Другие тоже бывали пару раз, – ответила Наталья. – Это дело с нотариусами долгое, так они мне объяснили, поэтому приходится задавать всякие вопросы, я ведь много раз бывала у них в конторе и с той помощницей много общалась, вот опера и выспрашивают разные мелочи и подробности. А разве важно, кто ко мне приходил из полиции?

– Конечно, – уверенно кивнул Роман. – Если им небезразличен Игорь Андреевич, то может оказаться, что они общались с ним в последний период жизни и разделяли его научные интересы. Стало быть, вполне могли и материалы позаимствовать. Имена и телефоны тех полицейских, которые с вами контактировали, у вас есть?

– Есть, разумеется.

– Припомните, Наталья, какие вопросы они вам задавали, чем интересовались. Может быть, предлагали помощь в разборке вещей, когда нужно было освобождать квартиру?

– Да нет, ничего такого. Обычные разговоры: как семья, как дочка, как муж, не жалеет ли он, что столько денег потратил на лечение Игоря, не испортились ли у нас отношения из-за этого. В общем-то, обычный обмен репликами при необязательной встрече, когда нужно просто отбыть номер. Вы не думайте, я не обольщаюсь на этот счет. Хотя они и говорили, что Игоря на службе очень любили и уважали и все его помнят, но этим словам грош цена, если честно. Я Игоря хорошо знала и понимала, что человек он крайне тяжелый, а работник – так себе, средний, ничего выдающегося. Мне казалось...

Она замялась, на скулах проступили заметные красные пятна.

– Да? – негромко произнес Дзюба.

«Давай-давай, – мысленно подстегнул ее Зарубин. – Мне-то уже давно кажется. Ровно с той секунды, как ты рассказала, где твой муженек бабки заколачивает. Вот интересно, нам с Ромкой правильно кажется или нет?»

– Они про мужа много расспрашивали, про его компанию. И я подумала, что... Ну, что они собираются уйти из полиции, сменить работу. Бывшие полицейские обычно очень хорошо зарабатывают, если устраиваются в службу безопасности крупной компании. Если мой муж давал деньги на лечение Игоря, это определенным образом характеризует наши с ним отношения, понимаете?

– Понимаю. Вы полагаете, они рассчитывают на то, что вы можете дать им рекомендацию или как-то еще поспособствовать?

– Ну да. А вы думаете, что дело не в моем муже, а в научной работе Игоря? – с тревогой спросила Наталья.

– Не исключено, – неопределенно ответил Дзюба. – В любом случае мы должны все выяснить и все проверить.

– Как-то странно это, – недоверчиво проговорила она. – Игорь никогда не интересовался наукой. Поверить не могу, что он придумал что-то невероятно ценное, такое, на что кто-то позарился. Он и книг-то не читал, ни художественных, ни документальных, ни тем более научных. Подозреваю, что вы меня обманываете.

В этот момент из соседней комнаты раздался звонкий крик девочки:

– Мам! Я уже нарисовала дом с забором! Можно я в дресс-ап поиграю?

– Нарисуй перед домом будку с собакой, потом решим! – крикнула в ответ Наталья.

– Ну мам! А в феску можно?

– Сначала собаку. И не спорь, – громко и твердо сказала мать.

– Дресс-ап знаю, в нее дочка соседей играет, а феска – это что? – с улыбкой спросил Дзюба.

– Фейс-пейнт.

– А, понял. Так вот, чтобы вы не сомневались насчет научной работы Игоря Андреевича, я вам кое-что покажу.

Он достал айфон и принялся тыкать пальцем в экран.

– Вот эта статья вышла еще при жизни Игоря Андреевича, в начале восемнадцатого года. Один из соавторов – очень известный ученый, криминолог, Стеклова Светлана Валентиновна. Вам это имя ничего не говорит?

Наталья с любопытством взглянула, пробежала глазами пару строк и удрученно вздохнула.

– Я и не подозревала, что все так серьезно. Статья... Профессор... Погодите-ка, – она снова наморщила лоб, – Стеклова... Стеклова... Кажется, сиделка мне говорила, что к Игорю приезжала один раз какая-то пожилая дама, и Игорь называл ее профессором. Надо же, если бы вы не назвали это имя, я бы и не вспомнила тот разговор.

«Пора заканчивать, – подумал Зарубин, посмотрев на часы. – Сидим здесь уже черт знает сколько времени. Ничего нового больше не узнаем, вся информация пошла по второму кругу».

Они горячо и проникновенно поблагодарили бывшую жену Игоря Выходцева, переписали все данные домработниц, сиделок и медсестры Инги, а также тех полицейских, которые звонили и приходили к Наталье, и ушли.

Каменская

Двадцать минут, проведенные в компании с Чистяковым за чашкой кофе, вроде бы сгладили неприятное послевкусие от встречи с майором Паюшиным из Управления собственной безопасности. Алексей живо интересовался, как прошла лекция, и Насте даже удалось сделать свой рассказ достаточно смешным.

Они вышли из кафе, и Настя решила проводить мужа до дома редактора, прогуляться, а потом уж возвращаться к своей машине, припаркованной в противоположной от кафе стороне, на платной стоянке.

– Принимаю заказы на ужин, – сказала она, – выкопала в Интернете два новых рецепта из серии «дешево и сердито». Один с бурым рисом, другой с перловкой. Что выбираешь?

– Давай перловку, я ее в последний раз ел на военных сборах, еще когда в институте учился. Там каждый день по два раза перловку давали, то в виде каши, то в виде гарнира.

– Вот не ври! – возмутилась Настя. – А в рассольнике?! Я же только на прошлой неделе его варила, и ты, между прочим, хвалил. Можно подумать, за всю жизнь после института рассольник ни разу не ел!

– Точно! Про рассольник я и забыл. Но в супе крупы мало, а вот в чистом виде любопытно вспомнить, как оно звучит. Я все жду, когда тебе надоест и ты пощады попросишь, – засмеялся Чистяков. – Просишь?

Настя мотнула головой.

– Не-а.

– Упорная, что ли? Или упрямая?

– Ни то, ни другое. Мне правда интересно, Леш. И потом, мы же договорились: пока я не зарабатываю в агентстве, мы пытаемся жить экономно, и мой вклад – готовка из дешевых продуктов.

– Ну смотри. Если что – я всегда открыт для переговоров.

Проводив мужа, Настя вернулась к машине, изо всех сил стараясь не вспоминать о Паюшине. Ситуация ей не нравилась, но Каменская знала по опыту: нужно отвлечься на какое-то время, забыть, думать о другом, чтобы потом взглянуть на картину свежими глазами. Она оплатила парковку с телефона, завела двигатель и включила аудиокнигу.

Добравшись до своего района, остановилась у магазина и отправилась за ингредиентами для блюда из перловки. Овощи нужны самые простые – лук и морковь, травы и приправы дома есть в широком ассортименте, а вот соус терияки закончился, нужно купить, и упаковку индюшачьих грудок прихватить. Небольшая часть, мелко нарезанная, вымоченная в маринаде и обжаренная, пойдет с перловкой, как указано в рецепте, остальное – завтра на котлеты. Хорошо, что в Интернете так много форумов, где люди делятся домашними рецептами и кулинарными секретами!

Раз уж она в магазине, то имеет смысл купить продукты для завтраков дня на три вперед. Ой, а вот какая-то бакалея по акции, макаронные изделия со скидкой, надо брать. И гречка, самая дешевая, с этикеткой «три по цене двух». Такая гречка, Настя знала, разваривается в невнятную кашу, но есть хитрые способы сделать ее более чем приемлемой если уж не для гарнира, то, по крайней мере, для самостоятельного блюда. Способы эти Настя вычитала все на тех же форумах, попробовала применить и осталась вполне довольна результатом. Конечно, с этими покупками впрок придется выйти из недельного финансового лимита, но зато выйдет экономия на две-три следующие недели, и, таким образом, рамки месячного бюджета нарушены не будут. При всей своей неспособности вести быт, при полном отсутствии хозяйственного рвения и неумении готовить считала Анастасия Каменская все-таки очень хорошо. Если по молодости лет она ухитрялась покупать массу ненужных продуктов, без которых можно

было бы прекрасно обойтись, то за последние годы, после выхода в отставку, взяла себя в руки, начала осваивать самые элементарные навыки приготовления пищи и довольно быстро запомнила, на сколько порций хватает упаковки макарон или крупы и на сколько дней хватает пачки сливочного масла или бутылки растительного. «Повар я никакой, – говорила она Чистякову, – зато экономка отличная. Такой талант пропадает!»

Дома Настя подточила нож для мяса, старательно настрогала грудку индейки тонюсенькими полосками, залила маринадом, сделала себе кофе и уселась за кухонный стол лицом к окну. Вот теперь можно и подумать о майоре Паюшине.

За Зарубиным выставили ноги. Вполне возможно, и уши приделали. Просто так? Смешно! При раскрытии даже тяжких преступлений наружку и прослушку на счет «и» не выпросишь, стандартные ответы: «нет свободных экипажей», «нет свободных каналов». Людские ресурсы у МВД безграничны, равно как и технические возможности. Если бы все происходило в рамках регулярной рутинной проверки оперсостава, то человек из СБ не полез бы к Каменской с разговорами. Стало быть, речь идет не о рутине, а о разработке. Как же могло получиться, что в рамках этой оперативной разработки, в которой задействованы и наружное наблюдение, и прослушивание телефонных переговоров, на сцену выпустили такого неумелого сотрудника, как Паюшин? Да быть такого не может! Во всяком случае, не должно. Хотя в нынешней ситуации, конечно, может быть все, что угодно, даже такое, что в бреду не привидится. Следователи, не знающие уголовного права, – на каждом шагу. Оперативники, которые ничего не умеют, – не реже.

Итак, получаются два варианта. Первый, он же самый простой: разработка Зарубина такая же неумелая, как майор Паюшин. Кто и зачем ее затеял – второй вопрос. Может, идет война за место начальника отдела, которое временно занял Серега. Тогда ситуация лично ему ничем не угрожает, поскольку он на это место и не рвется. Спит и видит, как бы поскорее вернуться в свое уютное креслице зама. Второй вариант намного хуже: разработка серьезная и тонкая, и тупой Паюшин – ее неотъемлемая часть. Необходимый элемент. И это, скорее всего, означает, что игра идет не против Зарубина, а против Константина Георгиевича Большакова. Им нужно, чтобы полковник в отставке Каменская непременно позвонила Зарубину и нервно рассказала о беседе, состоявшейся в кафе. Ну ладно, раз им надо – она позвонит, ей не трудно. Хотят, чтобы было нервно? Будет. Не вопрос.

Зарубин

– Имхо, фигня это все про преступную схему с нотариальной конторой, – заявил Дзюба, усевшись в машину. – То есть какое-то дельце, конечно, было, раз Наталью к следу даку дергали, но не такое длинное и сложное, чтобы его больше года разматывать. Сто пудов, вся эта шобла подходы к мужу искала. Транспортно-логистическая компания – лакомый кусок, им источники нужны, и жена, у которой такие доверительные отношения с топ-менеджером, – самое оно. Скажешь, нет?

– Скажу «да», – отозвался Зарубин.

Все правильно им с Ромкой показалось. Не в том дело, что опера присматривали себе новое место работы, а в том, что пытались завербовать Наталью. Компания, в которой исправно и давно трудился ее второй супруг, слишком часто мелькала в делах и о наркотрафике, и о контрабанде. Действительно, лакомый кусок.

– Ты хоть понимаешь, Ромка, как мы все попали? – грустно спросил Сергей Кузьмич.

– Понимаю. Чего делать будем? Пойдешь Большому докладывать?

– А что, есть варианты? – безнадежно ответил вопросом на вопрос Зарубин.

Вариантов не было. Судя по тому, что рассказала Наталья, друзей-приятелей из гражданской среды у покойного Выходцева не осталось уже задолго до смерти. Стало быть, если он с кем и делился своими идеями насчет справедливости и отдаленных последствий, то только с коллегами. Мог кто-то из них настолько проникнуться этими идеями, что возомнил себя учеником и продолжателем? Вполне мог. А могло этих учеников-продолжателей быть двое или больше? Ну, больше-то – вряд ли, а вот двое – уже реально. Владение приемами, свидетельствующее о специальной боевой подготовке, возможность получать полную информацию о наличии и состоянии камер наружного наблюдения, умение собирать сведения об образе жизни и маршрутах передвижения будущих жертв – все говорит в пользу того, что речь идет именно о полицейском. Ну что ж, как говорится, больному легче: хотя бы понятно, где искать.

Плохо другое. Если подозреваемый служит в полиции, они обязаны подключать Управление собственной безопасности. И генералу Большакову такой поворот вряд ли понравится.

Зарубин достал телефон, который на время разговора с Натальей ставил на беззвучный режим, и увидел два непринятых вызова от Каменской. Может, хоть она чем-нибудь порадует? Он глубоко вдохнул, постарался настроить голос на «повеселее» и перезвонил ей.

– Ну, Пална, скажи мне три хороших слова – и я буду обожать тебя всю оставшуюся жизнь, – с ходу пообещал Сергей.

– Ты обещал погулять, – послышалось в ответ.

– Чего-о?!

– Ты просил три слова – три и получил. Попросил бы пять – я бы сказала, что ты обещал погулять с собакой.

– Да тьфу на тебя! Напугала аж до инфаркта. А что, есть надежда? Пока я буду гулять, ты закончишь для меня полный обзор научной работы Стекловой?

– Что и когда я закончу – не твое дело. Но ты пообещал – выполняй. Ровно в восемь, не опаздывай, у собаки жесткий режим. И имей в виду, пес мощный, весит много, тянет сильно, невоспитан и практически неуправляем, ты в одиночку с ним не справишься.

Господи, он знает Настю Каменскую тысячу лет, видел ее и радостной, и восторженной, и уставшей, и расстроенной, и больной, и даже убитой горем. Всякую Настю он повидал. Но никогда, ни единого раза не слышал он такого ледяного холода в ее голосе.

Что-то не так. Что-то не так... Что?

– Поедем в контору, – скомандовал он. – Попробую зайти к Большому, если он на месте. Ты на вечер планов не строй, в восемь мы должны идти выгуливать собаку.

Рыжий Дзюба воззрился на него в полном изумлении.

– Что мы должны?

– Что слышал, – сердито огрызнулся Зарубин. – Пална велела нам подъехать к восьми. Обоим. Там что-то неладно.

– У кого неладно? У нее? Или у собаки?

– Если у собаки, то нам с тобой сильно повезло. Но боюсь, что у нас. Ладно, не будем гадать.

– Кузьмич, надо со следователем что-то решать, время-то к вечеру катит.

– Да блин! – в сердцах выругался Зарубин. – Давай звони ему, скажи, что до конца рабочего дня приедешь. А лучше – напряги все свои способности фантазера и выбей у него срок до позднего вечера. Потом звони Тохе, Колюбаеву и Хомичу, пусть отчитаются, чего они там накопили.

– А если ничего не накопили?

– Не каркай! Ну что за елки-палки на мою голову! – взвыл Зарубин. – Два убийства раскрой, но так, чтобы всем понравилось, и чтобы хороших людей не подставить, и чтобы плохим парням по сопатке досталось, и чтобы собственную голову уберечь, и еще чтобы прокуратура на тебя не наехала и «гестаповцы» под ногами не путались. Я-боль-ше-не-мо-гу!

Последние слова он буквально выкрикнул по слогам, и столько в его голосе было злости и ненависти, что сидящий за рулем Роман от неожиданности чуть не въехал в идущую впереди маршрутку.

– Ты чего, Кузьмич?

– Ничего.

Зарубин помолчал немного, потом перевел дыхание.

– Ладно, извини, ничего личного. Просто задолбало все это. У нас два трупа, отрядили шесть человек оперов, дали одного из лучших следователей, а что в итоге? Мы уже два дня толчем воду в ступе, четыре человека во главе со следователем пляшут канкан перед юридической общественностью, а реально этими убийствами занимаемся только мы с тобой. А все почему? Потому что политика. Интересы. Столкновения кланов. Борьба за власть и всякое дерьмо вокруг нее. Большой – хороший мужик, на него давят сильно, он на нас надеется, и подвести его никак нельзя. Ему нужно время, чтобы придумать, как выкрутиться, и мы должны это время ему предоставить. Звони Барибану. Потом ребятам всем по очереди. И на громкую связь поставь.

Дзюба послушно ткнул пальцем в экран на приборной доске. Следователь отсрочки не дал. Впрочем, ожидаемо. Ведь если оперативники раздобудут дельную информацию, ее нужно успеть закрепить документально. Вызвать людей Барибан не успеет, значит, ему придется ехать к ним самому в сопровождении кого-то из оперативников. И Матвея Очеретина обязательно нужно допросить, а это означает либо заказывать конвой и везти его в Следственный комитет, либо выписывать поручение на транспортировку операм, либо допрашивать в ИВС до 18.00. Конвой для срочных случаев выделяют с трудом, нужно долго уламывать руководство конвойного полка или заказывать заранее, с кондачка не получится даже у такого, как Барибан.

Через пятнадцать минут все стало понятно: Сташис находится за городом и до обозначенного времени к следователю никак не успеет, так что ехать на свидание к Николаю Остаповичу Барибану придется Ромке.

Значит, нарисовался некто Фадеев Виталий Аркадьевич... Понятно, что Леонида Чекчурина и Татьяну Майстренко завалил не он, и не по его заказу это сделано. Слишком топорно для убийства по бизнес-мотивам. Но для суда может и сойти. Главное, чтобы Колюбаев проработал наметившуюся связь Фадеева с задержанным Очеретиным. Здесь забрезжила надежда, Зарубин был уверен, что Колюбаев справится, ведь голос капитана звучал очень уверенно, когда он говорил о том, что появился хороший шанс связать мальчика-компьютерщика с круп-

ным застройщиком, насмерть обидевшимся на госпожу Горожанову, мачеху убитого Леонида Чекчурина. В этом месте Сергей снова вернулся к мыслям о том, что надо бы присмотреться к этому сдержанному и явно неглупому оперу. Работать-то некому, с кадрами беда бедовая...

И все-таки странно: парни начали искать в разных направлениях, а сошлось на Фадееве. Может, он на самом деле как-то причастен?

– Антон, ты далеко от дома Фадеева? – вклинился в разговор Зарубин.

– Навигатор показывает семь минут, а что? – послышался из динамика голос Сташиса.

– Колюбаев тоже туда намылился, но он едет со стороны Рязанки, ему еще минут двадцать пилить.

– А он-то с какого...?

– У него зацепка появилась, вроде бы имя Очеретина проскакивало где-то рядом с Фадеевым.

Антон помолчал, усмехнулся.

– Понял. Так что, начальник? Как распорядишься? Уступить место в очереди? Или ждать его и дальше всем вместе?

– Дождись его сначала и отправляй в контору, пусть будет на подхвате, если Барибан захочет ехать людей допрашивать.

– Кузьмич, боюсь, не прокатит, Барибан сказал, что не хочет никого рядом с собой видеть, кроме нас с Ромкой.

– Плевать я хотел на то, что он там хочет, – зло произнес Зарубин. – Дзюба поедет к нему докладывать, но потом он мне самому нужен. У оперов свои начальники, если ты не забыл, и в данном случае это я, а не Барибан. Если что – Колюбаев ему понравится, Николай Остапович даже уважает таких вот политически грамотных, которые глотка не сделают, пока сто раз не подуют.

– Ну гляди, – протянул Сташис. – Ты начальство, тебе виднее.

Сергей откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Следствие совсем обалдело, берегов не чувствует. Носятся со своей процессуальной самостоятельностью, как с писаной торбой, и до того доносились, что решили, будто могут розыскниками командовать и выбирать, с кем им работать, а с кем – нет. А ничего, что Следственный комитет и МВД – это два разных ведомства и уголовный розыск следователям не подчиняется? Да провалилось бы оно всё!

Сташис

Подходящий «карман» для парковки нашелся совсем рядом с домом Фадеева, буквально метров триста оставалось доехать.

– Мимо не проскочат, – уверенно констатировал Антон. – Будем ждать.

Виктор достал телефон.

– Поищу пока жену Фадеева в соцсетях, – сказал он.

– А что, понравилась? – рассмеялся Сташис. – Красивая, это правда.

Лейтенант смутился.

– Да при чем тут... Я для дела.

– Давай-давай.

Через некоторое время Виктор с досадой произнес:

– Черт, здесь какая-то яма, эль-тэ-е слетает, четыре-джи тоже, только трешка работает, а она грузит в час по чайной ложке.

Минут через пятнадцать-двадцать в зеркале заднего вида показалась машина Колюбаева – темно-зеленый «БМВ». Антон вышел из салона и встал так, чтобы его было хорошо видно. Автомобиль притормозил рядом с ним. Женя Есаков опустил стекло и удивленно спросил:

– А вы здесь как?

Антон нагнулся, просунул голову в окно.

– Парни, на пару слов. Есть новая вводная от руководства.

Есаков и Колюбаев подошли к нему, Витя Вишняков тоже встал рядом. «Ни дать ни взять, бандитская стрелка, – с усмешкой подумал Сташис. – Сейчас и разборка начнется, будем выяснять, чьи пироги пышнее».

– Мы на Фадеева вышли, – сказал он без длинных предисловий.

– Мы тоже, – моментально отреагировал Есаков.

Сташис успел заметить полный ярости взгляд, которым Дима Колюбаев хотел, кажется, испепелить старшего лейтенанта, но тот ничего не заметил и возбужденно продолжал:

– Источник в УБЭПе дал нам инфу, что Фадеев знаком с Очеретиным, так что все в цвет. А у вас что? Какие зацепки?

Если бы взглядом можно было убить, Женя Есаков наверняка уже свалился бы замертво.

– Боюсь, что ваш источник ошибся. – Антон с сожалением покачал головой. – Перепутал фамилии. Не Очеретин, а Черединов. Это водитель Фадеева. Звучит похоже, много одинаковых букв, так что ошибка вполне понятная и простительная. А, кстати, почему Фадеев? Вы же вроде ехали про Тремасова узнавать?

Он видел, что с каждым произнесенным им словом лицо Есакова делается все более растерянным, а Дмитрий бледнеет, отчего его смугловатая гладкая кожа приобретает нездоровый пепельный оттенок.

– Пока узнавали, как раз Фадеев и выплыл. Он нам показался более перспективной фигурой с точки зрения, так сказать, поставленных задач.

Колюбаев выдавил из себя улыбку, но от Антона не ускользнуло выражение его глаз. «Не дожить тебе до вечера, Женя», – мысленно отметил он.

– Нам тоже так показалось, – он широко улыбнулся, – и поэтому мы здесь. Сейчас все и выясним, а вам Зарубин велел возвращаться на Петровку, вы ему там нужны.

– Слушай, Антон, это нечестно, – возразил Колюбаев. – Информация наша, и мы должны ее проверить сами.

– Она ошибочная.

– Не факт. Может быть, ошибаешься как раз ты, а не мой источник.

– Может быть. – Антон пожал плечами. – И мы с Витей это узнаем. Ты собираешься спорить с руководством, которое велит тебе возвращаться?

– Я так понимаю, руководство – это ты? – Дмитрий даже не пытался скрыть язвительность.

– Руководство – это полковник Зарубин. Можешь ему прямо сейчас позвонить и убедиться.

– Почему он сам мне не позвонил, а через тебя передает?

– Вот и спроси у него. Парни, давайте без обид, ладно? Вчетвером вваливаться глупо, люди испугаются, начнут скандалить и вызванивать адвокатов, а это никому не нужно. Мы вдвоем сделаем все тихо и аккуратно. И вашу информацию обязательно проверим.

Они препирались еще несколько минут, после чего Колюбаев и Есаков со злыми и расстроенными лицами отбыли в сторону Москвы. Разговор вышел, конечно, малоприятным, но, с другой стороны, разве на оперативной работе бывают приятные беседы? И конкуренцию в раскрытии никто не отменял, особенно когда группа больше двух человек и версий много: кто ж не хочет лишний раз попасть в справку, тем более по делу, которое на особом контроле? Антон прислушивался к себе и с неудовольствием понимал, что радуется. Нехорошо это – радоваться неудачам товарищей, но очень уж не хотелось ему, чтобы Кузьмич всерьез озабочился переводом Колюбаева к ним в управление. Если кого и брать, то Витю Вишнякова, а не этого хитромудрого опера с Юго-Запада. Кузьмича, конечно, можно понять, ему как начальнику легче руководить именно таким, как Колюбаев, но ведь Дима и подставить может, если сочтет, что так лучше для соблюдения политических интересов верхнего руководства. А Витя простой и пока еще честный паренек, клад, может, и не найдет, но уж точно не подставит.

С охранником, несущим службу у ворот дома Фадеева, все вышло далеко не так легко и просто, как с давешним Александром, который с готовностью вызвался помочь, поскольку речь шла об убийстве сына хозяина. Здесь пришлось изворачиваться и придумывать на ходу, уверяя, что господин Фадеев, разумеется, ни в чем не может подозреваться, но вот поведение госпожи Горожановой вызывает некоторое беспокойство, в связи с чем возникла необходимость побеседовать с домочадцами и попросить их ответить буквально на пару вопросов.

– Если вам нужен Виталий Аркадьевич, поезжайте к нему в офис, – упрямо твердил охранник. – Или присылайте повестку.

– Зачем же мы будем беспокоить такого занятого человека по пустякам? – миролюбиво разводил руками Антон Сташис. – Нам бы с персоналом поговорить накоротке, они ведь люди наблюдательные, хотя с ними обычно никто не считается, их даже не замечают, а вот они, наоборот, на все обращают внимание и все запоминают. Горожанова со своим мужем бывала в этом доме, и наверняка кто-то что-то...

В общем, охранника удалось уболтать.

– Я должен позвонить Виталию Аркадьевичу, пусть он сам распорядится, – твердо заявил страж ворот. – Если он разрешит вас впускать, тогда ладно.

– Конечно, звони.

Охранник отошел на несколько шагов и вытащил телефон. Судя по репликам, трубку взял не Фадеев, который в этот момент находился на важных переговорах, и собеседником бдительного сотрудника охранного агентства был некто по имени Артем.

– Точно? – переспросил охранник. – Уверен? Ну смотри, если что – ты будешь крайним.

Кажется, этот невидимый Артем – человек вполне вменяемый, к тому же точно знает, что за Фадеевым ничего такого нет, и беседа оперов с персоналом никакой опасности в себе не таит. А может, наоборот, просто глупый и беспечный.

– Ну, как Виталий Аркадьевич? – невинно спросил Сташис. – Разрешил? Или велел нас выгнать?

– Виталий Аркадьевич занят, – с важным видом сообщил охранник. – Но Артем разрешил.

– Артем – это кто?

– Помощник, правая рука. Только не надейтесь, что вы войдете и будете по всем комнатам шарохаться, – строго предупредил он, идя вместе с ними к дому. – Я за этим прослежу.

«Да уж, – с неожиданной тоской подумал Сташис, – времена изменились кардинально. Когда-то человека с милицейским удостоверением пропускали всюду и безропотно, но это было так давно... Теперь полицию ни в грош не ставят, и любой охранник считает себя вправе нам отказывать, не пускать, запрещать. Кто-то же виноват в том, что так стало. Но кто?»

– А кто сейчас в доме? – спросил Вишняков. – Много obsługi?

– Две горничные делают уборку, повариха на кухне, больше никого. А, еще напарник мой.

– И все? – уточнил Антон.

– Ну, Снежана, жена Виталия Аркадьевича, но она же не obsługi.

– Ясно. А водитель Фадеева?

– Володька? Так он хозяина с утра повез, что ему тут делать-то?

– Ага, понял, – с деланой рассеянностью кивнул Сташис. – А Матвей? Он только при Фадееве здесь бывает или в его отсутствие тоже?

Охранник резко остановился и с подозрением посмотрел на оперативников.

– Какой Матвей? – строго спросил он.

– Очеретин, который по компьютерам. Из фирмы «Сталк-Модем».

– Не знаю такого. Снежана сама справляется, она ловкая, а если у Виталия Аркадьевича что-то не клеится, то Артем все налаживает. Никакого Матвея здесь не бывает.

– Да ладно, – недоверчиво протянул Витя Вишняков. – Нам в «Сталке» все уши прожужжали про то, какие они надежные и что среди их клиентов такие известные бизнесмены, прям чуть ли не из списка Форбса. Тремасова называли, Горожанову, Фадеева тоже, хвастались, какая у них репутация.

– Впервые слышу. По электрике, бойлерам, ну и, вообще, по всему инжинирингу у хозяев договор с фирмой, которая весь поселок обслуживает, оттуда Константин Олегович приходит регулярно, а с компами они сами управляют.

– Странно, – задумчиво протянул Антон, – а мне в «Сталк-Модеме» говорили, что Очеретин сюда периодически приезжал. Обманули, наверное. Для красного словца брякнули, чтобы цену себе набить.

– Наверное, – равнодушно согласился охранник и распахнул перед ними входную дверь.

Дом у Фадеева оказался большим, намного просторнее того, в котором проживали депутат и его супруга. Антон подумал, что, наверное, Чекчурину и Горожановой не с руки пихать всем в глаза свое истинное благосостояние, они, поди, на заграничной недвижимости отрываються в полный рост, а в столице скромничают; Фадееву же скрывать нечего, кому придет в голову спрашивать у крупного бизнесмена, откуда у него столько денег.

Холл, за исключением плиточного пола, был отделан древесиной, источающей приятный, чуть терпковатый запах. Стены пустые, ни картин, ни фотографий, ни охотничьих трофеев, и во всем помещении ни малейших признаков «богачества» вроде столиков с мраморными столешницами, антикварных кресел или невероятной дороговизны напольных ваз. Простое почти квадратное помещение, лестница, ведущая наверх, и несколько дверей; одна оказалась полуоткрытой, и из-за нее доносились звуки какой-то задорной песенки на непонятном языке.

– Ждите здесь, – велел охранник, – я людей позову.

Он стал подниматься по лестнице, и Антон понял, что сначала пригласят горничных. Вряд ли кухня находится выше первого этажа, в нее, скорее всего, выход прямо из холла. И кто же это у нас любитель такой музыки? Уж не повариха ли? Наверняка молоденькая, возрастные тетки такое вряд ли слушают.

– Глянь-ка, что там, – обратился он к Виктору, мотнув головой в сторону приоткрытой двери.

Молодой оперативник двинулся в указанном направлении. Антон не смог совладать с любопытством и пошел следом, хотя собирался стоять на месте и контролировать лестницу в ожидании зловредного охранника, который наверняка разозлится, увидев, что незваные гости нарушают выдвинутое им требование «не шарохаться по дому». Вишняков осторожно открыл дверь, и Антон увидел большую светлую комнату, по всей видимости, столовую, с длинным деревянным столом и стульями, вокруг которых танцевала, изгибаясь и потряхивая длинными волосами, та самая красавица с фотографии. Снежана. Жена Фадеева, которую им охарактеризовали как веселую и прикольную девицу. На столе стоял открытый ноутбук, из которого и лилась та задорная песенка, а Снежана, пританцовывая, произносила вслух отдельные слова в унисон с музыкантами. Зрелище показалось Антону настолько неземным, завораживающим, каким-то инопланетным, что он замер, не дойдя до порога.

А Виктор ничуть, по-видимому, не впечатлился, спокойно вошел в комнату и произнес несколько непонятных слов. Снежана заметила его, остановилась, взглянула изумленно и тоже сказала что-то на неизвестном Сташису языке. Это был точно не английский, не французский и не немецкий, их Антон различал на слух, хотя более или менее владел только английским. Что происходит?

Девушка, наконец, заметила Сташиса и махнула рукой в приветственном жесте.

– Здравствуйте, а вы кто? – спросила она и тут же стала совсем обыкновенной.

– Антон, – глупо ответил Сташис.

– А ты? – обратилась она к Виктору, стоявшему молча. – Чего не отвечаешь? Я же спросила тебя, кто ты и что здесь делаешь.

– Извините, – пробормотал он. – Я не понял.

– Так ты что, по-корейски не говоришь, что ли?

– Нет, я в школе немецкий учил, и то еле-еле.

– Вот блин! Ты же сказал: «Пусть солнце всегда светит в твоё окно». Я тебе и ответила.

Прикалываешься, что ли?

– Нет, я просто повторил последние несколько слов, которые услышал. Я не знал, что они означают.

Снежана недоверчиво сощурила свои огромные глаза.

– Что, вот просто услышал и повторил?

– Ну да.

– И корейский никогда не учил?

– Никогда.

– Офиге-еть, – протянула она восхищенно. – Ты так точно произнес, даже почти без акцента. Врешь, так не бывает, наверное, ты учил все-таки. Ладно, а вы кто такие вообще?

– Мы из полиции, – подал голос Антон, которому удалось наконец прийти в себя.

Глаза Снежаны тут же перестали сиять, теперь в них плескалась тревога.

– Что-то с Фадеевым? Авария? Он в порядке?

– Не беспокойтесь, – поспешил заверить ее Сташис, – с вашим мужем все нормально, он сейчас на переговорах и знает, что мы здесь. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы согласились ответить на несколько вопросов о гостях, которые бывали в вашем доме. Мы рассчитывали поговорить только с домашним персоналом, но если бы вы тоже...

– Та-а-ак, – раздался зычный голос охранника. – Я же сказал ждать и никуда не соваться! Виталий Аркадьевич не давал разрешения беспокоить жену, вы только об обслуживании договаривались. Всё, больше никаких разговоров, давайте-ка на выход.

Он решительно шагнул к Антону, явно намереваясь схватить его за плечо и вытурить из дома, но вмешалась Снежана.

– Ну ты чего, Олежка? Раз люди приехали, значит, им нужно. Что мне, жалко на вопросы ответить?

И правда, нормальная вроде девица, без фанаберии. Как-то мало она похожа на молодую жену богатого далеко не юного папика.

Послышались шаги спускавшихся по лестнице двух горничных, женщин в возрасте от сорока до пятидесяти.

– С моей комнатой закончили? – спросила Снежана, обращаясь к ним. – Тогда я пошла к себе.

Она схватила свой ноутбук и кивнула Вишнякову:

– Идем, полиглот, чего стоишь? Дернем по кофейку, и я отвечу на все твои вопросы. Заодно и проверим, ты действительно на слух так суперски ловишь или все-таки гонишь.

Охранник скорчил недовольную мину, глядя, как Виктор вслед за женой хозяина идет к лестнице, и Антон демонстративно развел руками, мол, договоренности – это, конечно, святое, но против слова хозяйки не попрешь. А молодой-то – не промах, как выяснилось, и слух у него хороший, абсолютный, наверное. И интуиция работает как надо. Вряд ли он успел мгновенно просчитать ситуацию, для этого нужно или быть гением, или иметь огромный опыт. Опыта у Вити нет, это точно, да и на гения он как-то плохо смахивает. Значит, действовал по наитию. Наитие сработало быстро, значит, реакция у парня отменная, не даром он в спорте преуспел. Будем надеяться, что со Снежаной он не растеряется и не оплошает. Нет, пусть Кузьмич до упора проталкивает своего Колюбаева, а он, подполковник Сташис, намерен до последнего биться за Витю Вишнякова. У этого паренька огромный потенциал. Плохо только, что об этом не знают ни окружающие, ни сам Виктор.

– Милые дамы, – обратился он к горничным, – постараюсь надолго вас не задерживать. Прошу!

Он широким жестом пригласил их в столовую, отметив выражение крайнего недовольства на лице охранника, который явно рассчитывал поприсутствовать при беседе и все контролировать и прямо перед носом которого Антон Сташис так невежливо закрыл дверь, ведущую в холл. Перебьется.

Вишняков

Не обманул чекчуринский охранник Александр, жена у Фадеева действительно веселая и простая девчонка. Даже удивительно: неужели у богатых бизнесменов бывают такие жены? Наверное, бывают, раз вот она, сидит прямо перед ним на широченной кровати, скрестив в позе лотоса голые длинные ноги, едва прикрытые коротенькими шортиками. В доме и в самом деле очень тепло, даже жарковато, и Виктор снял куртку еще внизу, в холле. И теперь он, в самом обыкновенном сером свитере и джинсах, чувствовал себя грязным пятном на рисунке с розочками.

Комната Снежаны являла собой забавную помесь чисто девичьей светелки и кабинета ученого-трудоголика. Нежные цвета обоев, штор и покрывала на кровати, оборочки, белая с золотым мебель, разноцветные парики на специальных болванках и очаровательные финти-флюшки на комод с большим зеркалом – все это плохо сочеталось с горами книг, раскрытыми тетрадями и блокнотами, которыми была завалена поверхность большого стола. Виктор окинул книги быстрым взглядом, пытаясь хотя бы приблизительно понять, что это за литература, но увидел только иероглифы. Внимание его привлекли странные предметы на столе: чернильница с хрустальной крышечкой, несколько ручек с открытыми перьями, толстая стопка белой нелинованной бумаги. Такие чернильницы и перья Виктор видел только в кино про совсем древнюю жизнь.

– А это зачем? – спросил он, указывая пальцем на перья и чернильницу.

– Каллиграфией занимаюсь. Мне нужно научиться не только говорить, но и писать, а без каллиграфии никак, я же к буквам привыкла, а там кругом иероглифы, – пояснила Снежана. – Ну чего, полиглот, приступим к испытаниям?

– К каким испытаниям?

– Я же должна убедиться, что тебе можно верить, прежде чем отвечать на твои вопросы. Если окажется, что ты врешь, никаких ответов не будет, окей?

– Ладно, давай, – с опаской согласился Виктор.

Он плохо понимал, как правильно вести себя в такой ситуации. Но, в конце концов, он пока еще ни в чем Снежану не обманул, так что бояться нечего.

Девушка открыла ноутбук, держа его экраном к себе, и что-то загрузила. Из динамика раздалась чужеземная речь, которая для лейтенанта выглядела просто набором звуков. Никакого смысла. И интонации непривычные, неевропейские, даже не поймешь, спрашивает говорящий или отвечает, сердится или радуется.

– И чего? – спросил он.

– Можешь что-нибудь запомнить и повторить?

– Попробую.

Он сосредоточился и напряг слух, вслушиваясь в поток незнакомых слов.

– Ну? – Снежана нажала кнопку, ноутбук замолчал.

Виктор неуверенно повторил несколько слов. Снежана внимательно наблюдала за ним.

– Правильно, – одобрительно кивнула она. – Только акцент сильный, но это нормально, а сказал все, как надо. Теперь вот это.

Зазвучал другой язык, не похожий на предыдущий, но тоже совершенно незнакомый. Виктор изо всех сил старался не отвлекаться на пристальный взгляд юной красавицы, которым она буквально буравила его лицо. «Чего она меня так рассматривает? – сердито думал он. – Ищет машинку для запоминания, которая у меня в носу вшита, что ли?»

С другим языком он тоже справился, правда, слов смог запомнить и воспроизвести меньше, чем при первом испытании.

– А что я сказал-то? – спросил он. – И на каком языке?

– Первый был японский, второй – китайский. На корейском я тебя вроде как уже проверила.

– И что я сказал? Что означают эти слова?

Снежана хмыкнула и закрыла ноутбук.

– Вообще-то это ужасно неприлично и ужасно смешно, я тебе даже переводить не буду, а то решишь, что я шалава подзаборная. Если бы ты знал эти языки, если бы понимал, я бы по лицу заметила. А у тебя лицо каменное было, как будто тебе таблицу умножения читали. Кто язык знает – обязательно заржет, никто удержаться не может, я проверяла. Получается, ты действительно на слух ловишь феноменально. Обалдеть! Я таких, как ты, вообще никогда не встречала.

– Так я прошел испытание или как? Можно уже вопросы задавать?

Снежана поправила бретельку легкой цветастой маечки, сползшую с плеча, тряхнула гривой густых длинных каштановых волос и потянулась к маленькой капсульной кофемашине, стоящей на прикроватной тумбочке. Нажала кнопку включения, подняла рычаг,插入了 рыжевато-коричневую капсулу, подставила чашку. Машинка заурчала, из носика потекла струйка кофе.

– Валяй. Нет, погоди, сначала я спрошу: а на фига ты с такими способностями в полицию-то подался? Чего тебе там делать?

– Да нет у меня никаких таких способностей, просто слух хороший. Ну и память вроде тоже ничего так...

– Держи. – Она протянула Виктору чашку, сунула в кофемашину еще одну капсулу и подставила вторую чашку. – Сахар не предлагаю, его все равно нет.

Кофе Вишняков не любил, если приходилось пить – то только сладкий и с молоком, но нужно быть вежливым, правда? Особенно с такими классными девчонками.

– Спасибо.

– Тебя как зовут-то, полиглот?

– Виктор.

– А я – Снежана. Короче: если надумаешь бросить свою ментовку – присоединяйся, языки ты быстро выучишь.

– Зачем? – не понял он.

– Будем вместе мой проект двигать и развивать. Прославимся на весь мир, много денег заработаем. Я такую классную штуку задумала с аниме – пока никто не догадался, надо использовать, чтобы быть первыми.

– Слушай, зачем тебе деньги? У тебя же муж миллионер.

– Он муж до тех пор, пока я языки в совершенстве не выучу, понял?

– И Фадеев об этом знает? – не поверил Вишняков.

– Ну а то! Он же не дурак. Но и я не дура. Я ему создаю антураж и предоставляю секс-услуги, он мне дает возможность спокойно учить языки с утра до вечера и не работать. К тому времени, когда я смогу начать проект, он все равно остынет ко мне и найдет кого-нибудь помоложе. Так что разойдемся мирно и к обоюдному удовольствию. Ты подумай над моим предложением, мне будут нужны способные компаньоны. Теперь давай свои вопросы.

Сташис

Перепуганные горничные отвечали на вопросы скованно и коротко, будто взвешивая каждое слово. Видно, боялись потерять работу, если сболтнут лишнее. Матвей Очеретин? Нет, не видели, не знают такого. Конфликт с Горожановой? Ну, при горничных такие вещи не обсуждают, но они несколько раз слышали, как хозяин, Виталий Аркадьевич, по телефону разговаривал и называл эту фамилию очень сердитым голосом. Кто еще постоянно бывает в доме, кроме горничных и повара? Помощник Фадеева Артем, водитель Володя, массажистка Инга, у Виталия Аркадьевича спина очень болит, а у Снежаны мигрени. Константин Олегович раз в неделю обязательно приходит, он от фирмы, которая за домом смотрит, по инженерной части. Если много гостей, то второго повара приглашают и официантов, они всегда одни и те же, из ближайшего ресторана...

Женщина-повар оказалась более словоохотлива, видно, уверена была в своей квалификации и работу у Фадеева потерять не боялась. Но, к сожалению, знала даже меньше горничных, ведь почти все рабочее время проводила в кухне. Само ее присутствие напоминало Антону о том, что он страшно хочет есть, и хорошо бы уже поскорее закончить и уехать отсюда, остановиться у первой попавшейся точки, где продают хоть что-нибудь навынос, и быстро запихнуть в себя, чтобы не помереть от голода. Где там Виктор? Почему так долго возится?

Наконец телефон звякнул: пришло сообщение. От Вишнякова.

«Матвей Очеретин у нее в друзьях на ФБ фотка есть точно он. Хватит?»

Слава консервированным помидорам! Можно выдохнуть и с чистой совестью звонить Зарубину и Ромке. Антон отстучал в ответ короткое «да!!!» и с облегчением отпустил повара. Уверен был, что Витя вот-вот спустится, однако пришлось ждать еще минут десять, пока не появился лейтенант. За эти десять минут Сташис успел прочитать два сообщения от дочери Василисы, ответить на них, три раза позвонить Степке и, не получив ответа, сначала разозлиться, потом испугаться, потом посмотреть на часы и вспомнить, что как раз в это время сын должен быть с классом на экскурсии в каком-то музее. В каком именно – Антон не помнил, он и про экскурсию-то забыл. С этой суматошной работой ничего в голове не держится. Хотелось бы знать, почему служба, которая «и опасна, и трудна» и вообще вся нацелена на благо общества, так плохо сочетается с воспитанием детей?

* * *

Конец рабочего дня. Навигатор утверждал, что до Петровки они доберутся никак не меньше, чем за час сорок минут. На самом деле каждые десять минут эти обещанные «час сорок» будут удлиняться, потому что количество единиц транспорта на дорогах начнет ежесекундно увеличиваться. Так что хорошо, если часа за два с половиной доедут.

Рассказывал Вишняков плохо, увязал в деталях, не умея пропустить ненужное и коротко сформулировать главное, и на изложение информации, полученной от Снежаны Фадеевой, ушло довольно много времени. Антон нервничал и старался не злиться и не перебивать, давил в себе нарастающее раздражение и желание резко бросить: «Короче! Давай самую суть!» Витя – человек для Сташиса новый, они знакомы всего ничего, реакции не изучены, характер непонятен. А вдруг в ответ на сердитый окрик парнишка начнет сбиваться и путаться? Рассказ еще больше затянется, а сроки поджимают, Ромка ждет звонка, ему нужно следователю доложить.

Поэтому Антон сцепил зубы и терпел. Выяснилось, что на вопрос о человеке по фамилии Очеретин Снежана сперва ответила, что среди ее знакомых такого точно нет, потом, когда Виктор назвал имя – Матвей, спохватилась и принялась что-то искать в своем ноутбуке.

– Слушай, у меня в друзьях есть какой-то Матвей. Вообще-то у меня друзей тыщи полторы, если не больше, я их и не помню, но какой-то Матвей точно был. Имя редкое, поэтому я запомнила.

Снежана была из тех людей, которые принимают в «друзья» всех, кто попросится. Обычно так поступают те, кто ищет популярности. Она повернула ноутбук, на экране Вишняков увидел список «друзей», вернее, его малую часть. И в этой малой части был Матвей Очеретин собственной персоной.

– И на какой же почве ты с ним дружишь? – спросил он.

– Да ни на какой. Он прислал запрос – я приняла. Будто ты не знаешь, как это бывает! Наверное, увидел меня в списке друзей у кого-то из знакомых. Или даже из незнакомых, с которыми он задружился точно так же, как со мной.

– В личку писал тебе что-нибудь?

– Не-а. Несколько постов лайкнул, да и все. Даже не комментировал ни разу.

– И тебе неинтересно, зачем он к тебе попросился?

– Да вот еще! Ко мне постоянно кто-то стучится. Кому очень надо, те запрос на переписку присылают. А всех остальных я принимаю, чтобы инфа расходилась широкими кругами. Заранее готовлю почву для своего проекта. Зато когда начну – сразу сотни тысяч узнают, а то и миллионы.

Вот в этот торжественный момент Витя Вишняков и отправил Антону сообщение о том, что Матвей Очеретин связан со Снежаной на Фейсбуке. Он собрался было уже распрощаться и уйти, но вспомнил, что нужно еще спросить о людях, постоянно бывающих в доме Фадеевых. Найти этих людей в соцсетях, просмотреть их профили, изучить личные странички и списки друзей. Может быть, окажется, что Матвей Очеретин «дружит» не только со Снежаной, но и с кем-то еще из окружения застройщика. И тогда его виртуальное знакомство с женой Фадеева уже не будет выглядеть интернет-случайностью.

Виктор старательно записал имена водителя Владимира Черединова, о котором им уже рассказал охранник Чекчурина, личного помощника Артема Шубина, инженера Константина Олеговича, фамилию которого Снежана и знать не знала, а также массажистки Инги Гесс.

– Константин Олегович работает в фирме, с которой у нас договор на обслуживание, – пояснила Снежана, – а остальные на зарплате у мужа.

Вот тут Виктору было не все понятно. То есть водитель – да, он нужен постоянно, каждый день. Личный помощник – тоже. Но держать массажистку на зарплате? Это уж слишком! Просто барство какое-то. Разве что Виталию Аркадьевичу Фадееву делают массаж пять раз в день. Но поверить в это было трудно.

– Инга Фадееву спину починяет, а мне – голову, – спокойно сказала Снежана. – Она как-то умеет боль снимать, точки там, меридианы и все прочее из восточных практик. И еще к племяннику Фадеева ездит и к его друзьям, они боями без правил пробавляются, им тоже боль снимать нужно все время. Ну и, вообще, они ребята отвязные, постоянно отношения выясняют при помощи кулаков. Поэтому Фадеев хотел, чтобы Инга всегда была на подхвате, в любой момент может понадобиться.

А вот это уже интересно. И даже совсем близко к теме. Бои без правил. Тренированные умелые парни, прошедшие хорошую подготовку и владеющие разными приемами. Если Фадеев посылает к племяннику и его друзьям свою массажистку, значит...

– Это хорошо, – довольным голосом перебил Антон.

Он даже злиться перестал. Позвонил Дзюбе, который, как выяснилось, уже подъезжал к Следственному комитету.

– Если Барибан захочет допросить жену Фадеева, она как? – спросил Ромка.

– Витя говорит, что она вроде не возражает. Нормальная деваха, готова даже сама подъехать, если надо.

– Красивая, говоришь? – усмехнулся Дзюба в трубку.

– Офигенно.

– Красивая и при богатом муже – это на каждом шагу. Но чтоб при этом еще и нормальная – это уже перебор. Интересно, где таких берут? Лады, Тоха, будем надеяться, что Барибану этого хватит.

Вот теперь можно наконец остановиться и закинуть в отчаянно голодное чрево какой-нибудь фастфуд.

* * *

– Мы уже закончили штаны поддерживать? – спросил Виктор, когда они съехали с МКАДа. – Можно, наконец, убийства раскрывать?

– Можно, – ответил Сташис. – Но если следаку не хватит, придется еще на подтяжки поработать.

– Какова вероятность, что ему не хватит?

– Практически нулевая. Ты же знаешь, в судах теперь нормально прокатывают даже обвинительные заключения, в которых написано: в неустановленное время в неустановленном месте. Прикинь: человека обвиняют по статье, по которой предусмотрен немалый срок лишения свободы, то есть дело-то серьезное, не фуфло какое-нибудь, а в обвинилке написано вот такое. Дескать, не знаем, где, не знаем, когда, но что-то такое было. Если не знают, где и когда, значит, и свидетелей нет. Доказательств нет. А суд принимает и отправляет на зону. Если к обвинительным заключениям и приговорам так относятся, то что говорить о ходатайствах на арест? В бумагу что хочешь можно налепить, все равно никто вникать не станет.

– Это точно, – поддакнул Вишняков. – Но ты же вроде говорил, что у этого Барибана требования завышенные, репутация, подковерная возня и всякое такое. И мы, типа, должны очень постараться и накопать что-то весомое.

– Так мы и постарались. Барибан – мастер, справится. Может, Ромка еще успеет связаться с кем надо и пробить фадеевского племянника на связь с возможными исполнителями убийств. Тогда все будет в шоколаде.

Виктор некоторое время молчал, потом снова заговорил, осторожно и неуверенно.

– Этот племянник Фадеева и его дружки-спортсмены... И Очеретин в друзьях у жены Фадеева... А вдруг?

Вот именно. Такая мысль Антона тоже посетила. Вполне возможно, что в погоне за любыми мифическими доводами в пользу задержания Очеретина они случайно наткнулись именно на то, что нужно для настоящего раскрытия двух убийств. Никто из фигурантов не тянет на роль идейного ученика неведомого Учителя. И получается, что Ромка Дзюба с самого начала был прав, когда высказал предположение, что истинной целью был Леонид Чекчурин, а Татьяну Майстренко убили, чтобы запутать след. И записки подложили из этих соображений. Все это маскарад, инсценировка. Такова была одна из версий, которые Дзюба вываливал на Антона в тот первый день, как старый хлам из мешка, а Антон посмеивался над его буйной фантазией и не успевал записывать...

– Может быть, и «вдруг», – задумчиво кивнул он. – Ну, тогда я тебе, Витя, не завидую.

– Почему?

– А твой приятель Есаков не успокоится, будет землю рыть, чтобы тебя подставить. Если твое «вдруг» сбудется, получится, что мы у него раскрытие из-под носа увели. Ты же видел, какая у него рожа была, когда мы его к Фадееву не пустили. Они с Колубаевым выкопали связь строителя с Очеретиным, ехали на горячее, руки потирали, а я сказал, что их источник ошибся и никакого Очеретина в окружении Фадеева нет, а есть водитель Черединов. Теперь выходит, что мы с тобой наврали специально, чтобы самим версию отработать и очков побольше

набрать. Такие вещи не прощают, знаешь ли. Если быть точным, наврал, конечно, я один, ты стоял и молчал, но в данном случае мы выступаем как одна команда, и спрос будет не только с меня, но и с тебя тоже. Меня-то Есаков не достанет, а вот тебя – легко.

– Но ты же не наврал! Черединов действительно есть.

– Но и Очеретин есть, как выяснилось. И получается не очень-то красиво. Мне твой Есаков до лампы, а тебе с ним работать. Судя по всему, он тебя не сильно любит. За что, знаешь?

– Да вроде не за что, мы с ним ничего пока не делили. С ним вообще никто из наших дележкой заниматься не станет, если что – сами все отдадут, себе дороже.

– Это почему ж так? Кто его крышует?

– Зам по криминальной. Женька – его внебрачный сын.

– Ах вот в чем дело...

– Ну да. У нас в конторе все об этом знают, хотя официально считается, что ничего такого нет. Так что связываться не хотят. И слова лишнего при нем не скажут, потому что он сразу папане доложит.

– Ясно. Сложно, наверное, в таком коллективе?

– А что, бывают другие? – усмехнулся Вишняков. – Я служу всего полгода, но иллюзий уже лишился.

– Но если бы предложили перейти куда-нибудь, где нет официального стукача, согласился бы?

– Да брось, Антон, кто мне чего предложит? Отсюда бы не выперли – уже спасибо. Ты мне недавно про верхний предел говорил, ну, что ты выше города работать не сможешь. Вот и я свой предел понимаю, выше округа не замахиваюсь. Я же совсем обычный, никаких талантов у меня нет, связей тоже нет, поддерживать меня некому. И вырывать зубами свой кусок я не буду.

– Почему?

– Неинтересно.

– То есть амбиций совсем нет? Карьеру делать не планируешь?

– На фиг она сдалась-то? Карьера – это зависимость. Тут уступи, там прогнись, промолчи, выкрутись. Получается, не карьера помогает твоей жизни, а ты помогаешь карьере, служишь ей, становишься ее рабом. Все для нее, все ради нее. Ну и за каким оно сдалось? Не по мне это.

– Ну, не все карьеру так делают, – заметил Антон, пряча невольную улыбку. – Есть и такие, кто своим умом пробивается, способностями, талантами.

– Так у меня ж ничего этого нет.

«Да, парень, с самооценкой у тебя совсем беда. Кто ж тебя так затюкал-то? Родители? Или учителя в школе? Может, друзья-приятели внушили? Девушка обидела?»

– Почему же ты в полицию пошел служить?

– А куда еще-то? Были бы мозги покруче – стал бы программистом, они хорошо зарабатывают и ни от кого не зависят, для программиста важен только результат, а не то, кто у тебя папа. Но я с математикой и вообще со всей этой хренью с детства не дружу. А в полиции особого ума не надо, и на жизнь хватает. Я вообще не собирался высшее образование получать, но предки весь мозг вынесли, ссориться не хотелось. Это раньше были такие понятия, что диплом обязательно нужен, а сейчас можно отлично прожить и без него. Вот ты можешь мне объяснить, в чем смысл диплома?

– Смысл всегда можно найти, если постараться.

– Да? Тогда скажи мне, в чем великий смысл всей этой вашей работы на Петровке? Вы же не раскрываете ничего, никому ничего хорошего не делаете, вы только подтяжки шьете, вот как мы с тобой сегодня. Тебе самому не противно?

Антон вздохнул. Противно ли ему? Да, отчасти. Для современного полицейского самым трудным является достижение баланса между полной отстраненностью и искренним сопер-

живанием. Отдашь предпочтение отстраненности – и все станет безразлично, на уме одно лишь бабло и возможности. Будешь искренне сопереживать каждому пострадавшему – быстро сойдешь с ума от того количества горя, боли, ужаса, вранья и грязи, в которых приходится существовать. Нужно суметь поймать равновесие, и оно позволит найти ту точку, тот стимул, который поможет хоть как-то работать и хоть что-то раскрывать. Портняжное мастерство все равно останется на первом месте, систему не изменить, страну не переделать, но в свободное от пошива штанов и подтяжек время правильный баланс даст силы принести в этот несовершенный мир хоть немножко добра.

– И в чем добро? – скептически осведомился Виктор. – В том, что вы еще кого-то накажете? Еще одного виновного, а может, и невиновного, на зону определите? Убитого-то все равно не вернуть. Так что смысла нет, как ни крути.

– Убитого не вернуть, – согласился Сташис. – Но люди, пережившие горе и шок, хотя бы увидят, что кому-то еще есть до них дело, они не брошены на произвол судьбы со своей утратой. Кому-то не все равно. Понимаешь? Нам с тобой Очеретин про это много говорил. И Стеклова, эта его профессорша, статьи писала.

– Не, не верю, – упрямо мотнул головой лейтенант. – Профессорша, статьи... Разве то, что наболтал Очеретин, это наука? Туфта какая-то.

– Почему туфта?

– Да просто не просекаю, из-за чего весь сыр-бор, ведь вопрос-то простой, как три копейки! Во всех нормальных странах есть психологическая помощь для кучи разных категорий: и для зависимых, и для травмированных, и для жертв домашнего насилия, и для жертв изнасилования, и для перенесших утрату, короче, для всех подряд. Почему у нас-то нужно биться лбом об стену, доказывать очевидное, еще и науку на этой теме разводить? По-моему, наш Очеретин все врет.

– Но статья действительно была, ты ее вчера своими глазами видел. Научная публикация.

– Ну и что? Подумаешь, одна несчастная статья. Может, она и была, но все остальное, что он рассказывал, звучит туфтово. Кому нужно доказывать, что необходима психологическая помощь жертвам преступлений? Давай я начну доказывать, что использование зонтика помогает защититься от дождя. В момент большим ученым стану. Прямо сразу академиком. Напиши один хороший толковый материал, подай, куда там надо, в Думу или еще куда, где законы принимают, и все дела. Тоже мне, наука!

– Ты прав, Витя, но есть одна загвоздка. Законы у нас пока еще принимают люди значительно старше тебя по возрасту.

– И чего? В смысле – они все тупые? В маразме, что ли?

– Они не тупые. Просто они – дети советской эпохи. Продукты советской идеологии. Ты в те времена не жил, да и я застал совсем немножко, еще сопливым пацаном. Строй изменился, а времена как будто остались прежние, потому что времена – они в головах и застревают там надолго. Строй можно в один день поменять, старые законы упразднить, новые написать – и готово дело. А чтобы идеи из голов вытравить, нужны десятилетия. Про Моисея слышал? Он своих соплеменников после бегства из Египта сорок лет по пустыне водил, пока не вымерли те, кто родился и вырос в рабстве, чтобы рабскую психологию в новую жизнь не тащить.

– Да? И что за идеи были в советское время? Что жертвам преступлений не нужно помогать, типа, они сами виноваты? Не гони! – презрительно фыркнул лейтенант.

– Ну, не так экстремально. В те годы принято было считать, что нуждаться в психологической помощи – стыдно, это признак слабости. Советский человек должен быть строителем коммунизма, устремленным в светлое будущее, он не имеет права быть психологически слабым. А уж иметь диагноз от психиатра – вообще кранты, конец не только карьеры, но и всей обычной жизни. Те, кто придумывает сегодня законы и руководит страной, – это как раз те самые люди, у которых в головах остались советские представления. А ты – другое поколение,

ты вырос в совершенно другой среде, и идеологической, и информационной. То, что для тебя очевидно и естественно, для них – дико. И одной бумагой, даже очень хорошо написанной, никого там, наверху, не убедить. У них на каждое нововведение, если оно не касается увеличения налогов, ответ один: в бюджете денег нет и не будет, затяните потуже пояса.

– А ты? – неожиданно спросил Виктор. – Ты какое поколение? Такой же, как они?

– А я застрял, Витюша. Болтаюсь, как дерьмо в проруби. Жизнь выстроил по тем законам, которые придумали старшие, а мыслю уже как младший.

Антону вдруг стало грустно. И снова появились тревожные мысли о сыне. Как помочь? Как поддержать? Как защитить, уберечь? Как, если невозможно понять, о чем он думает и что чувствует? Они другие, совсем-совсем другие. С Васькой вроде бы получилось, девочка выросла ответственной, без глупостей в голове, но такая удача два раза подряд в одной семье не выпадает.

Вишняков

Полковник Зарубин выслушал отчет с мрачным лицом, да и вообще выглядел он каким-то усталым и ко всему безразличным. Оживился только тогда, когда прозвучало имя массажистки Фадеева, Инги Гесс. Да не просто оживился – аж подпрыгнул.

– Как ты сказал?! – почти закричал он.

– Инга Гесс, – послушно повторил Виктор.

Зарубин посмотрел в какие-то свои записи, и глаза его задорно сверкнули.

– Ну, парни, кажется, мы выгащили призовую фишку. Точно, Инга Гесс. Она была медсестрой, которая приходила на дом к Выходцеву весь последний год его жизни.

– А Выходцев – это... кто? – озадаченно спросил Сташис.

– Это один из соавторов той статьи, которую нам показали Масленковы, – шепнул ему Виктор.

– Так почему она к нему приходила? И почему в последний год?

– У него был рак. Выходцев – наш бывший коллега, умер в восемнадцатом году, – пояснил Зарубин. – Это все мы с Ромычем сегодня целый день выясняли. Сначала пообщались с Гиндиным, потом навестили бывшую жену Выходцева.

Вишняков слушал Сергея Кузьмича и с привычной обидой на самого себя понимал, что не успевает за быстрой речью полковника. А вот Антон, кажется, вполне поспевал соображать на ходу, если судить по выражению его лица. Нет, никогда ему, Вите Вишнякову, не стать таким, как подполковник Сташис.

– Стало быть, мы имеем некую даму по имени Инга, которая была хорошо знакома с Выходцевым и в настоящий момент постоянно контактирует с Фадеевым. Выходцев – это мотив, а Фадеев – это возможность, у Инги через него есть прямой выход на хорошо подготовленных боевиков, которые ей обязаны, – радостно констатировал Зарубин. – Можно считать, что раскрытие у нас в кармане. Первое: пробиваете эту дамочку по всем базам и соцсетям, к завтрашнему утру мы должны знать о ней как можно больше. Вот ее номер телефона, бывшая жена Выходцева дала.

Он заглянул в бумажку и продиктовал десять цифр, которые Виктор старательно записал в блокнот четким почерком.

– Второе: сравниваете запись на флешке, где есть девица, которую засекли возле дома Чекчурина, с записями с камер по нашим трупам. Колюбаев и Есаков до середины ночи над ними просидели, но ничего не нашли. Теперь нужно все переделать заново, они же мужика искали, но у них не было видео из дома Чекчурина, а мы уже знаем, что это могла быть и женщина. Она собирает информацию об объектах, выпасает их, а по готовности в нужный момент вызывает кого-то из дружков младшего Фадеева или даже самого племянничка.

– Красиво, – согласился Антон. – Но верится с трудом. Скорее уж она сама и убивала. Наслушалась от Выходцева всяких правильных мыслей и загорелась идеей мщения.

– А вот в это уже мне верится с трудом, – поморщился Сергей Кузьмич, сделав упор на слове «мне». – Баба, настолько сильная, ловкая и тренированная? Она должна быть олимпийской чемпионкой, а не медсестрой-массажисткой. Нет, у нее совершенно точно есть подельники, исполнители, а она – идеолог. Посвящает свои деяния покойному Учителю. Может, даже любовнику, почему нет? Все сходится.

– А Очеретин как же? – озадаченно встрял Виктор.

Зарубин недовольно нахмурился, посмотрел на него строго.

– Что – Очеретин?

– Ну... Он-то каким боком сюда? Он же в эту схему не вписывается от слова «совсем», а мы его закрыть собираемся.

– Больно умный, – проворчал Зарубин. – Раз собираемся, значит, закроем. Очеретин может быть знаком с этой Ингой через Снежану или еще как-то. Может, через мальчиков Стекловой, он же у них свой, член группы. И в группу какое-то время входил Выходцев, если ты забыл. Гиндин сказал, что Выходцев явился к Стекловой со своими идеями, убедил ее, старушка загорелась, затеяла целое исследование, рассчитанное на много лет, подобрала коллектив исполнителей. Оба наших потерпевших описаны в статье, значит, у массажистки был доступ к этим материалам. Все в цвет. Гурновых, дочку которых сбил Леонид Чекчурин, отработать завтра прямо с утра на знакомство с Очеретиным и Гесс. По-хорошему с Гурновой надо было еще вчера побеседовать, но сами видите, как оно складывается... Потом Инга организовала убийство Татьяны Майстренко, и Очеретин радостно явился к Масленковым, чтобы сообщить приятную новость, мол, виновница гибели их сына наказана по заслугам. Там ты его и отловил. В чем проблема? Все, давайте, работайте, мне ехать надо. Еще неизвестно, чем Пална огорошит.

Сташис и Вишняков вышли из кабинета начальника.

– А Пална – это кто? – спросил Виктор.

– Потом расскажу. Ты лучше готовься, сейчас с Есаковым придется объясняться.

Женя Есаков и Дима Колюбаев мирно попивали чаек в ожидании дальнейших распоряжений.

– У нас новый фигурант, – заявил Сташис, словно не замечая ни настороженности Колюбаева, ни откровенной злобности на лице у Есакова. – Инга Гесс, медсестра, работает на Фадеева. К завтрашнему утру нужно все, что сумеете на нее собрать. Базы, Интернет, личный сыск. На данный момент есть только имя и номер телефона.

– Откуда она нарисовалась? – удивился Евгений.

– А в самом деле, откуда? – подхватил Колюбаев. – Мы по Чекчурину все по-честному отработали, можете проверить. Никакая медсестра Инга там не мелькала. Она что, брошенная любовница Леонида? Такая давняя, что про нее в нынешнем окружении убитого никто даже не слышал?

– Вот и проверяйте, – невозмутимо ответил Антон. – Вас двое, время – до утра.

– Почему только двое? А Витек что будет делать? – поинтересовался Женя.

«Ну вот, – подумал Виктор, – сейчас Антон ему скажет, что я буду переделывать работу, над которой они корпели столько часов, и Женька меня возненавидит. Да и фиг с ним. Плохо только, что папане своему жаловаться побежит, еще и наговорит три кучи вранья».

– У Вишнякова другое задание, он по Очеретину работает.

«Соврал. Ради меня? Мою задницу спасает? Или играет в свою игру? Правильно он сказал насчет верхнего предела, мне на Петровке точно делать нечего. Мой потолок – оформлять тех, кого с митингов привозят, там сильно много думать не надо: дали образец – и штампуй протоколы под одну гребенку».

Виктору вдруг стало одновременно тоскливо и обидно. А как же возможность хоть иногда делать какое-нибудь добро? А как же независимость и самостоятельность, к которым он так стремится? Ведь штамповать по образцу, отписываться и тупо выполнять приказы – это разве самостоятельность? Независимость? Вот уж нет!

Сташис устроил его в своем кабинете за свободным столом, поставил рядом с компьютером ноутбук и протянул флешку.

– Твоя добыча, – улыбнулся он. – Отрабатывай. Кстати, ты заметил, что про Хомича он не спросил?

– Кто? – рассеянно отозвался Виктор.

Он уже вставлял флешку и загружал на ноутбуке файл с видео перед домом Чекчурина, а на компьютере выводил записи с камер, на которых были запечатлены последние часы жизни Леонида Чекчурина и Татьяны Майстренко.

– Твой дружок Есаков. Его интересовало, чем будешь заниматься ты. Именно ты. Не задумался, отчего так?

– Да нет... Какая мне разница? Слушай, Антон, а если эта Инга до завтрашнего утра еще кого-нибудь приголубит? Мы тут будем высиживать, данные о ней собирать, а она, может, уже следующего выпасает. Номер ее есть, надо попросить техников установить, где сейчас ее телефон, и ехать. Она ведь на всю голову больная, от нее чего хочешь можно ожидать.

Вот же она, реальная возможность сделать добро: предотвратить новое убийство, защитить человека от насильственной смерти. Тогда тупая бессмысленная возня вокруг отчетов, справок и показателей обретет пусть небольшой, но смысл.

– Вряд ли так скоро она соберется, – ответил Сташис.

– Почему?

– Именно потому, что больная. Если больная, конечно. Про это специалисты кучу книг написали. У больных интервалы между эпизодами сокращаются постепенно, а не вот так сразу: было четыре недели – стало три дня.

– Откуда ты знаешь, что убийство Чекчурина – первое в серии? – упрямо допытывался лейтенант. – Может, массажистка уже давно начала, сперва был год, потом полгода, потом три месяца, потом четыре недели, почти месяц. А теперь будет три дня.

– Ты прав, – согласился Антон, и Виктор снова, уже в который раз за сегодняшний день, удивился: опять кто-то признал его правоту. В сказку он попал, что ли? Но легендарная Петровка как-то мало походила на сказочную страну, где происходит волшебство и исполняются самые заветные желания. Здесь царили суэта, нервозность и почему-то ненависть. Ненависть друг к другу, к преступникам, из-за которых нужно напрягаться, и к потерпевшим, которые портят отчетность своими жалобами и заявлениями, к начальникам, которые постоянно чего-то требуют и унижают нижестоящих яростной бранью, и к подчиненным, которые не выполняют порученное дело так, как хотел бы их начальник. Никто никого не любит, никто ни с кем не дружит, никто никого не защищает. Ну, во всяком случае, именно это чувствовал Витя Вишняков.

– Если наши трупы не два первых, а именно два последних, то мы должны поднять все материалы по похожим убийствам, даже и по раскрытым, и проанализировать их. Хотя бы года за два, – продолжил Сташис.

– За два? Почему не больше?

– Выходцев умер в восемнадцатом году. Посвящать ему убийства имеет смысл только после его смерти.

– А, ну да, – пробормотал Виктор. – Так в чем проблема? Надо проанализировать.

– Ага, – кивнул Антон. – Надо. Кроме того, нужно сравнить эти убийства с материалами, которые предоставил Гиндин. Разработку группы учеников Стекловой никто не отменял. И кто будет это делать? И когда? У тебя задание, у Колюбаева и Есакова задание, Дзюбу забирает наш начальник, я не могу оставаться на ночь, у меня сын один дома.

Ну да, понятно, материалы Гиндина можно и с домашнего компа посмотреть, на них нет грифа секретности, а вот данные из спецбазы выносить из здания нельзя. Хотя многие нарушают, конечно, Виктор это точно знал. И не просто выносят и пользуются, но еще и продают задорого, есть в полиции такой бизнес, вполне себе бодро процветающий.

– А Хомич?

– Хомич уже не в кондиции, по телефону слышно, я с ним разговаривал. Сегодня на него точно рассчитывать не стоит. Да и в дальнейшем я б не стал.

Напился, значит. Не постеснялся. Или зависимость уже такая сильная, что не до политеков и стеснения. Потому и разговоры эти бесконечные о том, как он загружен работой, которую никто за него делать не будет. С алкоголиками всегда так.

– А завтра?

– А завтра мы все дружною толпою, как цыгане по Бессарабии, будем составлять план действий в зависимости от того, что решит суд по Очеретину. Если нам повезет и следак сочтет, что можно просить арест, у нас будет два месяца на то, чтобы спокойно и тщательно все сделать. Если же не повезет и мы получим только продление срока задержания, то...

Антон замолчал и посмотрел в окно. Чего туда смотреть-то? Все равно ничего не видно, кроме огней, давно уже стемнело.

– То – что? – не выдержал Вишняков.

– То будет трудно. Плохо. Суета и неразбериха. В общем, сам увидишь. Короче, алгоритм понятный, всюду так работают: задержать первого попавшегося подозреваемого, быстро набрать какой-нибудь фигни для ареста, а потом неспешно копать в поисках «чего бы ему навесить, чтобы нам арест оправдать, палку в отчетность получить, а ему чтобы небо с овчинку показалось».

– То есть завтра мы будем искать, на чем взять массажистку, а когда закроем ее, тогда уж будем все остальное делать?

– Именно так, Витюша. Кстати, давай-ка глянем на нее. Может, Зарубин неправ и она на самом деле олимпийская чемпионка.

Виктор с готовностью закрыл видеофайлы и вышел в сеть. Ему и самому было интересно. Если бы Антон сейчас не попросил, Виктор бы первым делом полез искать фотографию Инги Гесс, как только за Сташисом закроется дверь. И не из чисто мужского любопытства, хотя оно тоже наличествовало, а исключительно для работы: нужно же точно знать, не Инга ли на том видео, которое сняли охранники чекчуринского домовладения.

Ввел в поисковик запрос и увидел, что в соцсетях людей с таким именем – раз-два и обчелся. И почти все из Казахстана, как ни странно. Из России только две, а из Москвы вообще одна.

– А чего их в Казахстане-то так много? – удивился он вслух.

– Туда в свое время ссылали российских немцев, – объяснил Антон. – Гесс – немецкая фамилия.

Надо же... Виктор про такое вообще не слышал. Наверное, это было фиг знает когда, еще при царе Горохе.

Московская барышня Инга Гесс присутствовала во всех сетях, но странички давно не обновлялись. На каждой всего по несколько постов, сделанных в незапамятные времена, число друзей – от 65 до 182. Не густо. В одном из списков обнаружилась Снежана Фадеева. А вот никакого Матвея Очеретина и в помине не было. Ни перепостов, ни подарков. Скукота и заброшенность. Видимо, массажистка пользуется сетями в основном для личной переписки с теми, кого знает. Одна-единственная фотография на аватарках всех страниц, никакие другие фотки Инга не прикрепляла. Да уж, к публичности эта особа явно не стремится.

Антон встал за спиной у Виктора, рассматривая фотографию. Ничего особенного, обыкновенная девушка, даже не сказать, что красивая. Лицо какое-то неправильное, но в целом ничего отталкивающего, все в пределах нормы. Фигуру и рост оценить трудно, снимок портретный, только голова видна.

– А посты о чем? – спросил Сташис.

– О восточной медицине и о проблемах лекарственного обезболивания. И еще про каких-то анальгезистов. Это кто такие?

– Анальгезиологи, – поправил Антон. – Врачи, которые занимаются проблемами боли.

– В принципе, на спортсменку она тянет, – задумчиво проговорил Виктор. – Для них обезболивание при травмах – первое дело. Понятно, почему она этим интересуется.

– А информацию можешь посмотреть? Где училась, что оканчивала, когда?

– Не, личной информации никакой нет. Антон, ты обещал рассказать, кто такая Пална.

Сташис усмехнулся, отошел от Виктора и уселся за свой стол.

– Цепкий ты. Что упало – то пропало. Что услышал – то запомнил.

Вишняков не понял, что именно прозвучало в голосе подполковника: одобрение или порицание. Наверное, все-таки порицание. По одобрениям и похвалам серенький середнячок Витя Вишняков сегодня выбрал свой лимит на долгие годы вперед.

– Пална – это человек, который как раз и сделал бы сейчас всю ту работу, на которую у нас не хватает ни свободных рук, ни времени, ни усидчивости. Каменская Анастасия Павловна, полковник в отставке. Она в этом отделе двадцать пять лет отпахала.

Фигасе! Двадцать пять лет на одном месте! О таком Вишняков и не слыхивал, сейчас подобная стабильность не только не в моде – в опале. Нормальный человек должен менять города, страны, занятия, чтобы не затухнуть, не утратить мобильности. Нужно развиваться, расширять круг знакомств и интересов, пробовать новое, неизведанное. Свобода и независимость, а не это вот тупое прозябание на одном и том же стуле. Снежана Фадеева с ее грандиозными планами по завоеванию мира и изучением сразу трех иностранных языков была Виктору намного ближе и понятнее, чем какая-то древняя Пална, не сделавшая за всю жизнь ни одного резкого телодвижения.

– Но вообще-то это довольно странно, – задумчиво протянул Сташис. – Идейные психи обычно не начинают убивать просто так, с бухты-барахты. Сначала они пытаются продвинуть свои идеи, добиваются публичности, кричат на каждом углу, пишут в инстанции, в общем, хотят, чтобы их услышали. И только потом, когда отчаиваются быть услышанными, идут на крайние меры. Судя по страницам в сетях, наша девушка не стремится распространять идеи, связанные с необходимостью психологической помощи жертвам преступлений. Ни одного поста на эту тему она не разместила, а ведь сегодня Интернет – это первая и главная площадка, если хочешь оповестить о чем-то огромную аудиторию и добиться отклика. Страницы не подерживает, подписчиков не набирает.

– Тогда как же? – озадаченно спросил Виктор.

– Выходит, она не псих и не идейная. Она просто помогла Фадееву убить сына депутата и пасынка Горожановой в целях личной мести или устрашения. И придумала, как закамуфлировать этот мотив. Использовала информацию, которой с ней поделился Выходцев, придумала записки, выбрала вторую жертву.

Нет, это показалось Вишнякову совсем уж неправдоподобным. Ну, допустим, Фадеев решил отомстить Чекчурина и Горожановой или запугать их. Тут все нормально. И допустим, у Фадеева сложились такие доверительные отношения с массажисткой, что он поделился с ней своей душевной болью: проиграл тендер, за который все заранее проплатил Горожановой из обладминистрации, а та его кинула, потому что влияние мужа, депутата Чекчурина, оказалось сильнее. Хиленько, конечно, но чего в жизни не бывает. А дальше начинается нечто невероятное: массажистка Инга вдруг вспоминает, что фамилию Чекчурина слышала от своего пациента, ныне покойного. У этого Чекчурина есть сын Леня, ранее судимый за ДТП с тяжкими последствиями, и это можно красиво обставить. Так красиво, что вообще никто не подкопается и на Виталия Аркадьевича никогда в жизни не подумает. Тот пациент-то, который упокоился два года назад, дюже увлекался изучением отдаленных последствий, даже научной работой занимался, собирал материалы и принимал участие в написании статьи, где приведены еще и другие случаи, и вполне можно выбрать кого-нибудь и тоже грохнуть. И записочки оставить. Пусть все думают, что преступление совершил человек, разделявший идеи умершего пациента. Начнут искать среди его знакомых, среди соавторов, бывших коллег и так далее. Одним словом, где угодно, но не рядом с Фадеевым.

В этой версии все было бы ничего, если бы не дурацкое совпадение, которое очень смущало Виктора. Массажистке оказалось знакомо имя Чекчурина. И не как депутата, что вполне можно было бы объяснить, если она живо интересуется внутривластными новостями. Хотя странно для молодой бабы, нетипично, но это ладно. Фамилия «Чекчурин» упомина-

лась человеком, который уже два года как покойник. Упоминалась в контексте научной работы, которой он занимался, будучи тяжелобольным, умирающим. Чекчурин, конечно, не Смирнов, фамилия не такая уж распространенная, но и не уникальная. И вот на тебе, пожалуйста, оказывается, тот Чекчурин, который из научной работы, не кто иной, как сынок того Чекчурина, благодаря усилиям которого Фадеев проиграл свой тендер. И сынок, получается, какой надо, и медсестра-массажистка про него помнит спустя два года, и отношения у нее с пациентом уж прям такие близкие, что она, медик по образованию, оказывается полностью в курсе научных изысканий в области криминологии, которая с медициной рядом не стояла. То есть и с пациентом-то Инга Гесс сблизилась, и с нынешним работодателем Фадеевым неразлейвода и полное доверие. Не многовато ли сказочности, господа хорошие?

Виктор пожалел, что эти соображения не выстроились у него в голове раньше, когда они были в кабинете Зарубина. Тугодум он, до него вечно все доходит, как до жирафа.

Он снова загрузил видео, полученное от охранника Александра, и принялся всматриваться в двигающуюся женскую фигуру. Лица не разглядеть, только объемный пуховик, накинутый на голову капюшон, дутики-луноходы. По походке видно, что женщина, а если б не походка – можно было бы подумать, что и мужик мог так одеться, со спины точно не разберешь. Виктор некоторое время просидел, впившись глазами в экран и пересматривая запись, прикидывал и так, и эдак, нельзя ли все-таки предположить, что это мужчина, а не женщина. Потом, минут примерно через двадцать, вспомнил слова охранника о том, что его сменщик подходил к незнакомке поближе и неплохо рассмотрел ее, так что в половой принадлежности сомневаться не приходилось. «Тупица я, – привычно и беззлобно обругал себя Вишняков. – Вспомнил бы раньше – не потратил бы столько времени впустую».

Антон молча работал на своем компьютере, то и дело отвлекаясь на телефон, читая и посылая какие-то сообщения, но Виктору не видно было, чем он занимается и что у него на экране.

– Антон, а давай пошлем второму охраннику фотку Инги. Он же ее в лицо видел, ту бабешку, которая паслась возле чекчуринского дома. Вдруг опознает?

– Уже послал, – коротко ответил Сташис, не отрывая глаз от экрана. – Жду ответ.

Вот же черт! Оказывается, Антон додумался и сообразил куда быстрее. Впрочем, ничего удивительного. Так и должно быть. Потому что так всегда и бывает. По скорости мысли и сообразительности Витя Вишняков всю жизнь последний.

Звякнул телефон Сташиса, Антон прочитал сообщение и вздохнул.

– Охранник Ингу не опознал. Причем уверенно. Пишет, что тип внешности абсолютно другой.

– Жалко, – огорчился Виктор. – А может, эта Инга из соцсетей вообще не наша? А наша как раз в сетях не присутствует, шифруется.

– Зуб даю: нет в Москве второй Инги Гесс, которая увлекалась бы восточной медициной. Сам видишь, женщин с таким именем и в России-то мало, а уж в Москве найти полную тезку с одинаковыми профессиональными интересами нереально.

Антон оторвался от компьютера и ободряюще улыбнулся Вишнякову.

– Не расстраивайся, Витя, не все потеряно. Если мы правильно прикидываем, то эта девушка не пальцем делана, она хитрая и предусмотрительная. Вполне может иметь помощницу, которая и собирает информацию о будущей жертве. Сама Инга не светится, сидит в уголке и дергает за ниточки, выполняет функцию координатора. С одной стороны – помощница или даже несколько помощников, с другой – фадеевские мальчики, а массажистка – связующее звено и мозг всей операции. Так что работаем и не думаем о плохом.

– Антон, ну чего так сидеть-то? Давай позвоним ей, есть же телефончик!

– Рано.

– Да почему рано-то?

– Не суетись, я сказал! – отрезал Сташис. – Никуда она не денется до завтра. И никого не убьют в ближайшее время.

Виктор не обиделся. Он вообще не был обидчивым. Остановил запись на ноутбуке в том месте, где отчетливее всего были видны пуховик и сапожки неизвестной женщины, и принялся внимательно и методично отсматривать кадры с мест, где проводили последние часы своей жизни Леонид Чекчурин и Татьяна Майстренко.

Каменская

Пса Бруно Настя поручила Роману как самому физически крепкому из всех троих. Повторять утреннее падение отчего-то не хотелось.

– Ну, что ты решил? – спросила она Зарубина. – Побежишь к Косте жаловаться?

– А то! Прямо завтра утренней лошастью и помчусь. Ребята старались, аж целую твою лекцию прослушали и потом время на разговоры тратили, чтобы ты меня взбудоражила, а я испугался бы и поскакал к Большому. Надежды надо оправдывать.

Сергей прошел несколько шагов молча и беззлбно чертыхнулся, не заметив, что любопытный Бруно метнулся в сторону и пересек тротуар прямо перед ними.

– Блин! Чуть о поводок не споткнулся! Дзюба, чего за собакой не смотришь?

– Ага, усмотришь за ним, – огрызнулся Роман и протянул Зарубину рулетку. – Попробовать не желаете, гражданин начальник?

– Нет уж, уволь, давай сам, тебе доверено. Я маленький и легкий, меня это чудище в момент снесет. Аська, – обратился он к Каменской, – а ты что, в самом деле думаешь, что меня слушают?

– Вряд ли. Всех подряд слушать – каналов не напасешься, ты ж не террорист какой-нибудь. Но я так, на всякий случай. Мало ли что... За последние десять лет многое изменилось. Пока служила – могла точно сказать, какова вероятность того, что слушают, а теперь не знаю. Новые веяния, новые правила. И техника новая.

– Да брось, – махнул рукой Сергей, – техника, может, где-то там и новая, а вороватость старая осталась. Сколько бы денег МВД ни выделяло на технику, один черт почти все распилят, а на остаток закупят старье или некондицию. Каналов для прослушки всегда не хватало и хватать не будет в обозримом будущем. Я как твой голос по телефону услышал – так чуть не сдох от ужаса. Ну, приплыли, думаю, беда подступила по всем фронтам, у нашей Палны крышак снесло на почве паранойи.

Настя расхохоталась.

– Я такая, я могу. Но теперь-то отпустило?

– Насчет тебя – да, а насчет Большого огорчительно. Подсигивают его в министерстве, в любой момент уберут. Мне другой начальник МУРа не нужен. Если Большого скинут – я в тот же день рапорт на пенсию подам.

– Уверен, что с другим начальником не сработаешься?

– Ой, Аська, я их столько на своем веку перевидал! Точно знаю, что с Большим могу работать, а с другими – увольте.

Все правильно. Кому нужен Зарубин? Не та фигура, мелковат. Если работают по Косте, то только министерские. Те, которые подчиняются лично министру и его замам. Хотят столкнуть генерала Большакова лоб в лоб с кем-то из руководства, чтобы пух и перья полетели. И разом избавиться от обоих. Но вид делают, что разрабатывают Сережку Зарубина. Серега – уровень более низкий, по нему должны работать сотрудники УСБ не выше московских. Замысел прост: сработать топорно, грубо, примитивно. Засветиться в полный рост. Так засветиться, что не заметить нельзя. Зарубин пойдет к Большакову выяснять, с какой такой радости на него спустили цепных псов. Костя пойдет в отказ, потому как ни сном ни духом. Он и в самом деле может не знать, его в известность и не собирались ставить, но Сережа не поверит. Разойдутся взаимно недовольные друг другом, разобиженные недоверием. Вот и первая кошка между ними пробежит. УСБ начальнику уголовного розыска не подчиняется, но Константину Георгиевичу наверняка сильно не понравится, что вышестоящий генерал, начальник ГУВД, протягивает потные ручонки к подчиненным Большакова в обход их руководства. Тут и вторая кошка пробежит. Кому-то не нравится, что генерал Большаков чрезмерно доверяет замести-

телю начальника убойного отдела и хочет сделать его начальником, благо место пока свободно. После такой склоки генерал призадумается, а так ли нужен ему Зарубин на этой должности. Начальник ГУВД, точно зная, что подотчетное городу звено УСБ не получало команды разрабатывать полковника Зарубина, начнет выяснять на уровне министерства, что происходит и кто это без спросу полез в огород генерала Большакова в нарушение всех правил. А там уж, у министерских, наверняка домашняя заготовка припасена, как довести Костю до скандала с тем чиновником, с каким его хотят поссорить. Третья кошка сидит в засаде и ждет своего часа.

Возможно, комбинация другая, их в арсенале гестаповцев много. Очень может быть, что и замысел другой. Например, хотят вбить клин между Большаковым и начальником УСБ городского уровня. Или между Большаковым и начальником ГУВД Москвы. Или еще что-то. Бедный майор Паюшин, тебя, скорее всего, сделают козлом отпущения. Тот, кто поручил тебе задание, наверняка понимал, что будет дальше. Твое место тоже кому-то понадобилось. Или не место, а твои покровители, ведь кто-то же тебя рекомендовал, ручался за тебя или, может, просил. Просто так, с улицы в верхний эшелон не попадают. Теперь дадут понять, что ты, конечно, накосячил, но тебя, от щедрот душевных, простят, зато тот, кто за тобой стоит, будет «должен». И никто никогда не признает, что этот косяк стоял в плане как необходимый элемент.

Господи, как это противно! И как муторно! Как скучно! Служба собственной безопасности когда-то создавалась с вполне благородной целью: выявлять и пресекать должностные преступления в среде сотрудников милиции. И во что она превратилась? Впрочем, милиция тоже на месте не стояла, превратившись сперва в полицию, а теперь вообще непонятно во что...

– Хорошо, что я вовремя ушла, – сказала Настя. – Мне такие игрища уже не по плечу.

– Да ничего хорошего, – проворчал Зарубин. – Была б ты на службе – я бы тебе приказывал и требовал выполнения. А так – приходится в ногах валяться. Будем считать, что с плохими новостями мы отстрелялись на сегодня. Давай теперь о приятном.

«О приятном» означало «о профессоре Стекловой и ее соратниках». Во всех текстах, которые Насте удалось за сегодняшний день найти и прочитать, не содержалось ни малейшего намека на правовой экстремизм. Ни слова о несправедливости наказания, о недобросовестности следствия и суда, о возмездии или о потребности пострадавших и их семей в удовлетворении чувства отмыщенности. В общем, ничего такого, что хотя бы отдаленно могло напоминать мотивацию загадочного Ученика.

– У нас еще кое-что есть, – сказал Сергей. – Посмотришь?

– Сереж, давай не будем нарываться, ладно? За этим делом и так уже сто пар глаз следят. С меня взятки гладки, я – никто, слава Богу, а вот тебе мало не покажется.

– Не-не, Пална, все в рамках твоей же версии о том, что меня интересуют обстоятельства внезапной смерти Стекловой.

Настя покачала головой.

– Для нашей утренней встречи сгодится, а вот для более глубокого изучения ее трудов уже не прокатит. Дама в столь преклонных годах... К тому же в тот день, по показаниям Очеретина, чувствовала себя плохо, почти не вставала. Какой дурак поверит, что ты увидел в ее смерти что-то подозрительное? Тем более домашние смерти, как правило, вскрывают. Было бы что-нибудь – на вскрытии увидели бы.

– Ой, я тебя умоляю! – Сергей картинно закатил глаза. – Ты забыла, что нынче в профессиональную деятельность пришло поколение двоечников? Никто нигде, ни в одной сфере, не делает так, как положено, даже не мечтай. Меня, динозавра сыскного дела, и то уже перевоспитали, заставили выучить новые правила и играть по ним. У меня есть флешка с материалами, там и то, что опубликовано, и научные отчеты, и доклады на конференциях, аналитические справки, наброски, опросники, анкеты, ну, всякая такая ученая муть. Клянусь, Пална, это последнее, о чем я тебя прошу. Я сам глянул, попытался вникнуть и понял, что ты быстрее в сто раз разберешься, ты ж все-таки кандидат наук.

– Хорошо, – кивнула Настя и улыбнулась.

Она вдруг почувствовала огромное облегчение. Ей ведь так хотелось ответить согласием в первый же момент, едва Зарубин произнес слова «кое-что есть»! Она наслаждалась, выискивая и читая публикации Стекловой и ее соавторов в Интернете, анализируя фразы, мысли, логику, манеру подачи, даже частоту употребления отдельных слов и терминов, а также любые признаки, свидетельствующие об эмоциональной окраске текстов. Это была именно та работа, по которой Настя Каменская скучала. Да что там скучала – тосковала! Тихонько сидеть в уголке, молчать, ковыряться в информации, обдумывать ее... Что может быть лучше? За годы службы выбирать не приходилось, и ей оставалось только радоваться, если выпадало дело, в котором ей поручали именно такое задание, и считать это неожиданной удачей, незаслуженным везеньем. Стоило Сереже Зарубину заговорить о том, что есть еще какие-то материалы, Настя поняла, что ужасно хочет в них покопаться. Но... Неужели Серега, с его-то опытом, не чувствует опасности? Да, сегодня ей удалось выкрутиться в разговоре с Паюшиным, и вроде бы вполне успешно. Но что будет дальше?

Да, ей очень хотелось сразу же согласиться, и все остальные слова были сказаны просто для очистки совести. Она легко дала себя уговорить.

Лабрадор Бруно в очередной раз затормозил движение, ломанулся влево, в дальнюю часть газона, и принялся выразительно крутиться, слегка выгнув спину. Место неосвещенное, и Насте пришлось прищуриться и напярчить глаза, чтобы рассмотреть собаку: если просто принохивается – можно одернуть и прикрикнуть, чтобы не вздумал ничего схватить с земли, а вот если крутится – следует замереть, ослабить поводок и терпеливо ждать, ибо выбор сортира – дело для пса важное и ответственное. Судя по спине, речь шла именно о сортире.

Дзюба нажал кнопку на рулетке и выпустил поводок на полную длину. Настя вытащила из кармана два хрустящих собачьих лакомства в форме маленьких косточек. Все строго по инструкции: сходил «по-большому» – получил вкусняшку. Хозяйка Бруно объясняли, что по утрам, а зачастую и по вечерам у них нет времени слишком долго гулять, но пока пес не сделает все, что нужно, возвращаться нельзя. Пес хоть и невоспитанный, но далеко не глуп, и память у него прекрасная. Бруно быстро сообразил, что после туалета дают лакомство, а хозяйка точно так же быстро сообразила, что рефлекс нужно закрепить. Прожорливый любитель вкусненького не станет слишком оттягивать момент получения вожаемой хрустящей косточки, и таким образом время прогулки можно при необходимости сокращать. Сделал дело – гуляй смело: дождался собачьей кучки – можешь с чистой совестью возвращаться домой. В целом ход мыслей соседей так и остался для Насти Каменской загадкой: о чем они думали, когда заводили собаку крупной породы? Зачем вообще брать собаку, если у тебя проблемы с временем для выгула? И почему ты не можешь встать еще на полчаса раньше или лечь на полчаса позже? Для чего нужно было приучать пса к режиму, в соответствии с которым утренняя прогулка – в семь, а вечерняя – в восемь? Что это? Бред? Торжество глупости? Безответственность?

– Давайте пакет, Анастасия Павловна, я пойду уберу, – сказал Дзюба, протягивая ей рулетку.

Мешочка с пакетами, притороченного к рулетке, он не заметил и очень удивился, когда Настя показала ему нехитрое приспособление.

Бруно вернулся радостной трусцой и уставился на Настю с выражением строгой требовательности: ждал положенного по регламенту поощрения. Получив вкусняшки, деловито захрустел.

– Видишь, Пална, я тебя еще рабсилой для сбора какашек обеспечил, – заметил Зарубин. – Это я в том смысле, что не за «спасибо» трудиться будешь.

– Равноценно, – усмехнулась Настя. – Один пакет с собачьими какашками в обмен на бессонную ночь с чужими материалами во имя чужой работы. Ты не зарвался, милый?

Роман шагнул с газона на тротуар, держа в руке пакет, приподнял ногу и попытался рассмотреть подошву тяжелого ботинка.

– Кажется, я на что-то наступил, – пробормотал он.

Зарубин быстро присел на корточки, сделал несколько коротких вдохов, выразительно дергая носом, и захихикал.

– Точно, Ромчик, наступил. Не завидую я твоей машине, теперь долго вонять будет.

Только тут до Насти дошел смысл слов, сказанных хозяевами Бруно, об отправлении серьезной нужды в «правильном месте», то есть поближе к фонарям. Владельцев собак много, а вот тех, кто убирает за своими питомцами, – существенно меньше. В плохо освещенных местах, да к тому же на грязной земле... Если бы хоть снег был, на котором можно что-то увидеть! Бедный Ромка.

Черт! Она совсем забыла, что за выбор «неправильного» туалета поощрение не полагается. Нет, доверять Анастасии Каменской чужих домашних питомцев определенно нельзя, она половину указаний мимо ушей пропустит и непременно сделает что-нибудь не так. Ладно, в будущем постарается не забывать.

Дзюба отчаянно зашаркал ногой о тротуарную плитку в попытках избавиться хотя бы от части налипших ароматных экскрементов. Сережа Зарубин отпускал ехидные замечания и давал ценные советы, а Настя смотрела на них и думала о том, какая же она счастливая. Только сейчас, на пороге шестидесятилетия, она начала понимать, что в момент выхода в отставку вступила в самую лучшую пору своей жизни, когда можно делать не то, что должна, а то, что хочется, что приносит удовольствие. Вся первая часть жизни состояла из обязательных элементов: получи знания, овладей профессией, работай, а если что-то не нравится – терпи. Делай так, как положено, отработывай зарплату, играй по правилам. Будь благодарен, если среди всей этой обязаловки вдруг случатся моменты, приносящие радость и удовлетворение: это твой бонус за честное отбывание номера под названием «должен». Этого «должен» в ее жизни было так много, что не оставалось ни миллиметра личного пространства для «хочу». Какая же она была дурочка, когда не понимала своего счастья и впадала в отчаяние, став пенсионеркой! Сегодня ей смешно об этом вспоминать. Смешны собственные слезы, вздохи, обиды на жизнь и причитания. Сейчас она по-настоящему свободна и имеет возможность заниматься тем, что ей интересно. Интересно заниматься музыкальной литературой с подростками. Интересно преподавать основы анализа статистической информации. Интересно учиться быть экономной хозяйкой и готовить вкусные блюда из недорогих продуктов. Интересно читать материалы Светланы Валентиновны Стекловой и ее группы. Интересно наблюдать за лабрадором Бруно и выстраивать взаимоотношения с ним. Сейчас она может позволить себе сказать «нет» старому другу Сереже Зарубину или, наоборот, согласиться помочь и с наслаждением погрузиться в любимую аналитическую работу. У нее есть выбор. Вот в чем главное счастье. Выбор, которого почти никогда не бывает, пока носишь погоны и исполняешь приказы.

И еще у нее есть возможность не играть в игры, которые ей не нравятся.

– Аська, у Стекловой, между прочим, завтра сороковины.

– Это намек? – хмыкнула Настя.

– Да боже упаси, какие намеки! – заблажил Зарубин. – Дзюба пойдет. Вот ботиночки отмоет – и вперед, в научную общественность.

– Пустая трата времени, – сердито проговорил Роман, все еще не отошедший от огорчения. – Мы же видели Гиндина. Если они все такие, то какие из них убийцы? Смешно!

– А если не все? Аська, ну скажи ему, надави авторитетом.

Настя задумчиво оглядела лабрадора, который в нерешительности вертелся вокруг очередного дерева, очевидно, размышляя, оставлять комментарий под постом или ну его.

– Если судить по текстам, то на потенциальных убийц они мало похожи. Но, Сержик, есть такая штука, которая называется «научное редактирование». Если там, где статьи публи-

ковались, хорошие опытные редакторы, то они могли порекомендовать авторам смягчать формулировки и снимать все, что может трактоваться как агрессивность или экстремизм. Опять же заседания кафедры, на которых могли обсуждаться эти статьи, рецензенты, сама Стеклова как руководитель темы... Повторяю, по текстам все чисто, а вот как на самом деле – не берусь судить. Ромчик, твой начальник прав, нужно на этих деятелей посмотреть своими глазами. Тем более ситуация удачная: они соберутся все вместе. Кстати, где они собираются?

– Гиндин сказал, что сначала проведут что-то типа заседания Ученого совета или как там у них это называется, заслушают доклад о научных достижениях Стекловой, потом поминальный стол накроют в факультетской столовой. Анастасия Павловна, ну нельзя мне туда соваться, Гиндин же меня знает! Толку-то от моего присутствия!

– Вот и я о том же, – неожиданно заявил Зарубин. – Слышь, Пална? Гиндин-то Ромку знает. И Ромка его знает в лицо.

Настя от души расхохоталась.

– Ага, а меня твой Гиндин не знает. Ну ты жук, Сергей Кузьмич! Хозяйка, дай попить, а то так кушать хочется, что аж переночевать негде. У тебя что, все подчиненные разом ослепли? Никто, кроме Ромчика, Гиндина этого не опознает? Фотографии запоминать не умеют?

– Ася, я серьезно. Кто, кроме тебя, сможет с ними нормально поговорить, чтобы как будто про науку, а на самом деле про то, что нам нужно?

– Правда, Анастасия Павловна, – вдруг заговорил Дзюба совсем другим тоном, и Настя поняла, что ее развели, как лохушку. – Мне там определенно нельзя показываться. Но если вы не хотите идти одна, мы вам дадим классного парнишку, опера из Восточного округа. Он совсем молоденький, можете даже сказать, что это ваш сын. А вы когда-то давно писали диссертацию на этой кафедре, знали Стеклову, пришли почтить память. Никто из ее нынешних учеников обман не заподозрит, они в те годы еще, наверное, в средней школе учились. А если кто-нибудь из сотрудников кафедры вас узнает и вспомнит – будет даже лучше.

Ловко они ее обработали. Наверняка сценарий придумал Зарубин, чувствуется рука мастера. И ведь выстроил разговор таким манером, что Настя сама сказала, мол, нельзя полагаться на впечатление от текстов, нужно посмотреть на фигурантов, пообщаться с ними. Ей стало так весело, что даже сердиться не захотелось.

В общем-то, если вдуматься, в предложении Сережки есть смысл. Она действительно сможет поддержать и развить беседу на темы, близкие научным интересам молодых соавторов профессора Стекловой, ведь она прочитала кучу статей, а теперь еще и материалы на флешке Гиндина просмотрит. Но вот мальчик из Восточного округа ее смущал.

– Сережа, а ты уверен в своем классном парнишке? Не сдаст он тебя? А то, гляди, получишь по самое горло за привлечение гражданских лиц к оперативной работе. Мы, конечно, всю дорогу так делали, и вы так делаете и будете делать, но если кому-то захочется взять вас за жабры, то возьмут и не поморщатся.

– Я подумаю, – буркнул Зарубин. – Главное – я твое согласие получил, а дальше разберусь. Может, хочешь Сташиса? У вас с ним вроде как взаимопонимание.

– Нет, совсем не годится. Он слишком красивый, все будут внимание обращать, что такой видный молодой мужик пришел с некрасивой теткой намного старше себя. Нам этого не надо. Все должно быть спокойно и незаметно. Бруно, фу! Фу! – неожиданно закричала Настя, увидев, что любопытный пес сунул морду в кучу мусора, вывалившегося из опрокинутой урны. – Рома, ну дерни же поводок! Сильнее! Чего ты за собакой-то не смотришь?

В течение нескольких следующих минут Дзюба и Зарубин дружно убеждали Настю, что ее нельзя обзывать некрасивой теткой, но она понимала, что это, конечно, не всерьез. Джентльмены!

Они повернули в сторону дома, шагали не спеша, со вкусом обсуждали детали завтрашнего мероприятия и разные варианты развития событий. «Вот я иду по вечерней улице, –

думала Настя Каменская, – выгуливаю собаку. Рядом со мной два хороших человека: Сережка, которого я сто лет знаю и нежно люблю, и Ромчик, которого я знаю, конечно, не так много лет, как Зарубина, но все же достаточно долго, чтобы понимать, какой это бесценный алмаз для оперативно-розыскной работы. Да и просто для человеческих отношений. Ромка умный, искренний, честный и добрый. Мы разговариваем о том, что интересно и важно для всех троих. У меня есть выбор: втягиваться и помогать или отказаться. Я выбираю „помогать“. Не по принуждению, не из чувства долга, не из страха обидеть отказом и испортить дружбу, не из желания произвести впечатление. Я выбираю „помогать“ просто потому, что действительно хочу сделать то, о чем меня просят. Мне это доставит удовольствие. И в этом моя истинная свобода. Дома меня ждет любимый муж, мы с ним оба здоровы и полны сил, и между нами нет ни конфликтов, ни даже малюсенького недопонимания. Я совершенно счастлива!»

В ее кармане затренькал телефон. Настя посмотрела на дисплей: «Сосед Валерий».

– Извини, – перебила она Дзюбу, который в этот момент красочно расписывал достоинства молодого оперативника Вити Вишнякова, – нужно ответить, это хозяева Бруно, они волнуются.

– Спроси, как там у них с этим новым вирусом, – умоляюще зашипел Сергей, – а то меня теща уже до костей обгрызла.

Настя добросовестно и подробно отчиталась о собачьем поведении, самочувствии и аппетите и вежливо выразила надежду, что соседям хорошо отдыхается.

– У нас все супер! – восторженно заверил ее Валерий.

– Я очень рада! А то у нас тут всякие слухи ходят о том, что в Европе страшная эпидемия, все поголовно болеют, и вирус очень заразный.

– Ну, не знаю. Народу полно, все катаются, подъемники забиты, на них километровые очереди. И рестораны вечером под завязку. Никто ничего не боится, все спокойно. Никакой паники нет, даже разговоров об эпидемии не слышно.

– Наверное, наши СМИ сильно преувеличивают, как обычно. Отдыхайте спокойно, с Бруно все будет в порядке.

Зарубин заметно приободрился.

– Доложу теще свежие вести прямиком из-за бугра, может, она хоть на несколько дней отстанет. Вот же любительница панику разводить!

Остаток пути до Настиного дома Сергей провел в привычной роли самокритичного балагура, посмеивался над своим невеликим росточком, живописал преимущества быть низкорослым, потому что тебя никто не принимает всерьез, рассказывал анекдоты и байки. Но Настя понимала, что ее старому другу совсем не весело.

Когда остановились у подъезда, она спросила:

– На ужин зайдете?

– Спасибо, Анастасия Павловна, я – домой, – тут же откликнулся Дзюба.

Можно было бы и не спрашивать: дома у Ромки молодая жена, с которой он после свадьбы вряд ли провел хотя бы один нормальный вечер.

– А ты? – обратилась она к Зарубину.

– А что дают? – ответил он вопросом на вопрос. – Если знаменитые отбивные по-чистяковски, то зайду.

– Размечтался! – фыркнула Настя. – Дают нечто непонятное из перловки с индейкой и овощами, но вроде получилось неплохо, я пробовала, когда готовила.

– Все равно зайду, – с отчаянной решимостью произнес Сергей. – Даже перловка лучше, чем моя драгоценная теща. Эх, мельчает народ! Какие бывали отбивные!

Вишняков

Сташис давно ушел домой. На мониторах застыли изображения, которые Виктор старательно изучил вдоль и поперек по несколько раз, но ни к какому определенному выводу так и не пришел. То ему казалось, что неизвестная девица с околочекчуринской территории мелькнула за спиной Татьяны Майстренко, когда та вышла вместе с подругами из ресторана, то такой же пуховик с капюшоном виделся ему рядом с Леонидом Чекчуриным, входящим в ночной клуб... Он увеличивал картинку, пока она не начинала расплываться, всматривался, сравнивал, сличал. Черт бы подрал эти черно-белые камеры с плохим разрешением! Пуховик вроде похож, но без капюшона... И вот этот похож, даже капюшон есть, но лицо совсем не то: какая-то тетка, вся в морщинах, никакие гримы и парики не сделают из нее молодую девушку, которую видел охранник.

Отчаявшись решить свою задачу на основании вида верхней одежды, Виктор пошел другим путем. В конце концов, кто сказал, что у женщины должен быть только один пуховик? Конечно, когда нет лица, приходится ориентироваться на то, что есть, и было бы здорово, если бы удалось убедиться, что девица, которая паслась возле дома Чекчурина, когда там был его сын Леня, засветилась и в других местах неподалеку от обеих будущих жертв. Это было бы попаданием прямо в десятку. Но – не получалось. Зато можно попробовать поискать одну и ту же девицу рядом с теми, кто в скором времени станет потерпевшим. Ну и пусть она не будет той, которую видел охранник. Может, у этой ушедшей массажистки Инги Гесс куча помощниц. Или помощница одна, но с обширным гардеробом. Главное – найти лицо, мелькающее неподалеку от Леонида и Татьяны. А потом, глядишь, и охранник ее узнает. Тогда сто пудов все сойдется.

Очень хотелось пить, есть и спать. Виктор клял себя за непредусмотрительность – не запасся банками с энергетиком, а в местном буфете удалось поздно вечером купить только колу, которая почти не помогала. Пришлось взбадривать себя крепким кофе, от которого Виктора мутило. Кофе в сочетании с колой действовал отлично, но пить было до отвращения противно. Несколько раз одолевало желание все бросить, выключить технику, запереть кабинет и ехать домой. Или лечь спать здесь же, составив в ряд три стула и накрывшись курткой. Но почему-то при каждой попытке закончить работу в голове всплывал голос Сташиса: «Ты молодец!» И очень хотелось не облажаться, доказать, что статный, высокий подполковник не напрасно верит в серенького лейтенанта Витю Вишнякова. Ведь Женька Есаков с Колюбаевым смогли полночи просидеть с этими видео! Значит, и он, Вишняков, должен смочь.

И еще почему-то вспоминалась обалденно красивая жена Фадеева. Снежана. Нет, не то чтобы у Виктора появлялись какие-то романтические мысли насчет этой девушки, ни боже мой. Для таких красавиц он – пустое место. Середнячки с полицейским окладом содержания их не интересуют; Снежана, например, даже не скрывает, что муж ей нужен исключительно для денег и обеспеченной жизни. Да и она, если уж совсем честно, Витино мужское воображение не будоражит. Вишнякову нравились женщины постарше, помягче, более округлые, что ли. Чтобы если уж грудь – так наливные шары, если попа – то тяжелая, большая, как пуховая подушка, и чтобы на боках непременно уютные складочки, толстенькие такие. Вот Лера, продащица из кулинарного отдела в магазине рядом с Витиным домом, – самое оно, и у них вроде даже что-то начало получаться, складываться. Во всяком случае, Виктор уже несколько раз ночевал у нее, и Лера осталась, кажется, вполне довольна. В робких мечтах он видел, как каждый день засыпает, утонув в ее теплом изобильном теле, и по утрам завтракает, глядя на сочные улыбающиеся губы. Лера всегда улыбалась и готова была расхохотаться по любому поводу. Та, которая была раньше, до Леры, – тоже толстущечка-пампушечка, лет на десять постарше Вити,

но характер совсем другой, и отношения увяли, не успев толком расцвести. Всего-то четыре месяца пробыли вместе.

Все-таки смешная девчонка эта Снежана Фадеева! Зовет Виктора в партнеры по бизнесу. Это ж надо было такое удумать! Какие-то таланты в нем углядела. В микроскоп, что ли, рассматривала? Языки он, видите ли, быстро выучит!

Но вспоминать ее слова было приятно. Чертовски приятно. Приятно вспоминать ее искреннее изумление его слухом и способностью воспроизводить услышанное, имитировать, подражать. Способностью... А может быть, у него и вправду что-то такое есть? Может, не зря хвалил его Антон Сташис?

Мысль оказалась непривычной, и Виктор то и дело возвращался к ней, обдумывал, рассматривал со всех сторон. И все равно почему-то съезжал к образу Снежаны. Так и возникала она перед глазами: сидит посреди огромной кровати, сверкает голыми плечами и коленками, с одной стороны – заваленный книгами и тетрадями письменный стол, с другой – комод с косметикой, гримом и разноцветными париками: ядовито-розовым, ярко-голубым, зеленым, оранжевым, жгуче-черным и белокурым. В Интернете куча роликов со Снежаной в этих париках, она чуть ли не звезда косплея.

Он сделал еще одну чашку кофе и влил в себя, морщась от отвращения: без молока совсем противно получилось, хоть и с сахаром. Походил по кабинету, помахал руками, отжался 40 раз, попрыгал. Вроде стало полегче. Снова уселся за стол и уставился в мониторы. Глаза болели и слезились. Леонид Чекчурин на улице перед ночным клубом разговаривает с двумя девушками и женщиной. Входит в клуб. Выходит из клуба. Опять стоит и разговаривает сначала со знакомыми, потом по телефону. Идет в сторону парковки. Парковка. Леонид подходит к машине. Садится. Леонид сворачивает с тротуара и скрывается под аркой. Татьяна Майстренко заходит в дом, где проживает ее подруга. Выходит. Садится в машину. Входит в магазин, где продается итальянская брендовая одежда. Выходит. Входит в ресторан. Выходит. Въезжает в подземный паркинг. Выходит...

Кофе. Разминка. Отжимания. Прыжки.

Чекчурин перед ночным клубом... Майстренко садится в машину...

От напряжения сводило шею, мышцы плеч превратились в два булыжника и отчаянно ныли. Кофе. Отжимания. Упражнения: медленно крутим головой, как будто катаем по тарелке. Чекчурин... Снежана...

Снежана. Парики. Грим. Вот почему он постоянно вспоминает девушку. Даже не саму девушку, а ее комнату. Он идиот. Если помощница массажистки Инги достаточно ловкая и предусмотрительная особа, то она не станет следить за объектами в одном и том же образе. Это основы работы «наружки»: все время менять одежду и головные уборы, а по возможности – и прическу. Нужно не на внешность ориентироваться, а на что-то другое. На походку, например. Осанку. Манеру поворачивать голову. Лицо любое нарисуешь, особенно если ты женщина, и волосы любые изобразишь, об одежде даже говорить смешно. А вот все остальное подделать трудно, даже если ты профессиональный актер. Движения губ при артикуляции изменить практически нереально, в этом Виктор недавно сам убедился, когда смотрел фильм, где хорошо известная ему актриса вполне молодого возраста играла очень старую женщину. Грим сделали классно, на экране действительно была древняя старуха, лицо темное и состояло, казалось, из одних морщин, но стоило старухе заговорить – и Витя сразу узнал ее. Не по голосу, а именно по артикуляции.

Кофе. Разминка. И все сначала.

Еще через четыре чашки кофе лейтенант Вишняков нашел то, что искал. Он настолько непривычен был к слову «успех», что не поверил сам себе и на всякий случай несколько раз перепроверил.

Это точно она. Одна и та же. Действительно в разных париках и в разной одежде. Но, несомненно, одна и та же.

Сравнил с фотографией Инги Гесс, сделал скидку на грим. Совсем не похожа. Ни формой носа и губ, ни разрезом глаз, ни скулами. Ну и ладно, не Инга – значит, ее помощница-подельница. Главное, что он ее все-таки нашел. Компьютерная программа легко сличит несколько загримированных лиц и вычленил из этой кучи одно-единственное, настоящее.

Пять утра. Ехать домой смысла нет. Виктор составил стулья в рядок, сунул под голову сложенный в несколько раз длинный толстый шарф, накрылся курткой и мгновенно заснул.

Каменская

– Я мог бы нагло соврать, что не буду ложиться спать из солидарности, чтобы лишний раз взбодрить в тебе чувство вины, – заявил Алексей. – Но как честный человек признаюсь, что правки редактора оказались существеннее, чем я думал, и мне придется тоже ночью покорпеть, чтобы завтра к обеду сдать рукопись. Можем считать, что нам с тобой повезло получить срочную работу одновременно. Или в тебе проснулась супружеская интуиция, и ты взялась помочь Сереге, потому что предчувствовала мою бессонную ночь?

Настя рассмеялась.

– Лешик, ты же знаешь, интуиция, вернее, ее полное отсутствие, – мой хромой облезлый конек. Как не было – так и нет. Просто удачно совпало.

После ухода Зарубина, слопавшего блюдо из перловки с таким видом, словно ему подали по меньшей мере седло барашка, они вымыли посуду, убрали кухню и уселись каждый за свой компьютер: Чистяков в кабинете, Настя в большой комнате, где оборудовала себе удобный рабочий угол. Открыла папку, содержащуюся на флешке, и быстро просмотрела, какие файлы там содержатся, чтобы составить приблизительный план ознакомления. Переданных капитаном Гиндиным материалов оказалось действительно много.

Определившись с последовательностью, Настя приступила к изучению текстов. Особое внимание – рабочим материалам и наброскам, иными словами – всему тому, что не подвергалось коллективному обсуждению, внешнему рецензированию и редактированию.

Тезисы профессора Стекловой к выступлению на конференции по философии права, в которых Светлана Валентиновна рассматривает вопросы этики уголовного наказания. Ни слова о карающей руке правосудия, упор на гуманистический подход.

Обзор литературы, подготовленный Борисом Димурой, по организации и принципам осуществления психологической помощи в зарубежных странах.

Аналитический обзор дел о врачебной халатности, составленный Ильей Гиндиным. Еще один такой же обзор, но на этот раз дел, возбужденных против диспетчеров на разных предприятиях, инженеров и прорабов.

Прошлогодня курсовая работа Николая Абросимова о подходах к исчислению экономического ущерба от преступности.

Проекты предложений в местные органы власти по совершенствованию дорожно-транспортной инфраструктуры и мерам ответственности за ущерб, связанный с ненадлежащим состоянием дорог. Автор – Александр Лазаренко.

Наброски, заметки, обзоры, аналитические справки, подборки литературы и психологических тестов, анкеты...

И еще списки. Разной длины, в каждой позиции от двух до семи фамилий. Если память Настю не подводит, то это комбинации «виновный – потерпевшие». Виновный всегда один, а потерпевших может быть несколько. Но на всякий случай нужно проверить. Пару «Чекчурин Леонид Георгиевич – Гурнова Екатерина Витальевна» она помнила точно, как и пару «Майстренко Татьяна Алексеевна – Масленков Александр Олегович». Эти имена, правда, с инициалами вместо фамилий, фигурировали в одной и той же статье, и о них много говорил Сережа Зарубин.

Настя загрузила вторую статью, потом третью. Кое-что начало проясняться. Все люди, чьи судьбы описывались в первых трех статьях, были из самого короткого списка, состоящего всего из шести позиций. Вероятно, с этого списка все и началось. Что ж, логично: самая длинная история наблюдения и изучения как раз у тех, кто был отобран для исследования раньше других. Взять, к примеру, Масленковых: к ним, как узнал Ромчик Дзюба, вернулись спустя три года, чтобы задать новые вопросы и собрать новые сведения, сделать работу более углублен-

ной, расширить спектр изучаемых факторов. Все правильно, комплексное монографическое исследование должно опираться на данные хотя бы за несколько лет. Итак, в первой статье – два случая, во второй тоже два, в третьей – три. Итого семь. И семеро виновных. Шестеро – из короткого списка; седьмого, водителя мусоровоза, сбившего в темном дворе пожилую женщину и ребенка, в этом списке нет.

Имена, содержащиеся во втором списке, более длинном, фигурировали как в виде инициалов во множестве статей, написанных для ведомственных сборников, так и полностью в обзорах и аналитических материалах, не предназначенных для публикации. Здесь уже не было подробного описания всей жизненной ситуации на протяжении длительного периода времени. Упомянутые случаи служили, скорее, иллюстративным материалом для подтверждения или объяснения того или иного тезиса. И в этом списке, в отличие от первого, уже были позиции, занимающие не одну, а две, а то и три строки: случаи ДТП с пассажирским транспортом, маршрутками и автобусами, где перечень пострадавших и погибших обычно значительно больше, чем при ДТП с легковушками. В этом же списке обнаружился и тот самый водитель мусоровоза.

Комбинаций имен, перечисленных в третьем списке, самом длинном, состоявшем из трехсот с лишним позиций, Настя нигде в текстах не обнаружила, но зато нашла фразу: «В ходе исследования было проанкетировано 322 уголовных дела о ДТП, опрошено 728 респондентов, из которых 56 – лица, признанные виновными в ДТП, 394 – члены семей погибших потерпевших, 378 – выжившие потерпевшие, получившие серьезные травмы, и члены их семей». Да, в третьем списке содержалось именно 322 позиции, так что с этим тоже все более или менее понятно. Третий список – база для статистических обобщений.

Непонятно другое. Почему ни в одном материале не исследуется и даже не упоминается случай Игоря Андреевича Выходцева? Если все, что за минувший день удалось узнать Зарубину и Дзюбе, правда, то Выходцев сам стал жертвой врачебной ошибки, вызванной тяжелым стрессом от ДТП со смертельным исходом. Он, вероятно, какое-то время обдумывал свою историю, пришел к определенным выводам и принес эти выводы профессору Стекловой. В такой ситуации сам бог велел подробнейшим образом рассмотреть и расписать именно его случай как наиболее ярко и выпукло иллюстрирующий проблему. Почему же это не сделано?

Настя услышала, как открылась дверь комнаты-кабинета, послышались тихие шаги.

– Леша, ты в туалет или на кухню? – крикнула она.

– На кухню. Присоединишься?

– Ага!

Она радостно вскочила из-за компьютера. Самое время сделать перерыв, выпить кофейку и что-нибудь сжевать. Заодно и с Лешкой поговорить, пусть посмотрит на проблему свежим взглядом.

Настя быстро нарезала багет, сыр и вареную колбасу, растопила в сковородке сливочное масло, обжарила хлеб с одной стороны, перевернула, положила на каждый кусок по ломтю колбасы, сверху – сыр, накрыла крышкой и убавила температуру. Горячий бутерброд среди ночи – это же так сладостно!

– Леш, прояви знание мужской психологии.

– Валяй, – кивнул Чистяков.

Она постаралась коротко и четко объяснить свой вопрос.

– А при чем тут мужская психология? – удивился Алексей. – Ты же сказала, что руководитель всего проекта – женщина. Если бы она считала, что нужно описать случай Выходцева, она бы настояла, да и все. Она профессор, она намного старше, значит, она – главная. Нет, я понимаю, о чем ты говоришь, конечно. Подавляющее большинство мужиков не любит распространяться о своих болезнях, и Выходцеву могло быть неприятно, что о нем будут писать как

о тяжелобольном. Он мог попросить Стеклову не упоминать его как пострадавшего от врачебной халатности. Но ведь он, насколько я понял, умер?

– Ну да, полтора года назад.

– А Стеклова когда умерла?

– Совсем недавно, в начале января. Завтра сорок дней.

– Значит, у нее было целых полтора года, чтобы использовать случай Выходцева в научной работе или в публикациях. Но она этого не сделала. Это ее решение. И тут уже целиком и полностью женская психология, а не мужская. Кстати, ты уверена, что действительно не сделала? Ты хорошо проверила?

Настя засомневалась.

– Вообще-то я на глазок прикидывала, – призналась она. – Искала упоминания «Игорь Выходцев» или «Игорь В.» вместе с врачебными ошибками и онкологическими диагнозами. Но ты прав, могла и просмотреть.

Она с сожалением взглянула на опустевшую тарелку, на которой совсем недавно лежали такие чудесные горячие бутерброды. Что это за странная закономерность, в соответствии с которой по ночам любая еда вкуснее?

Кто сказал, что случай Выходцева должен быть непременно описан с использованием его настоящего имени? Вот ведь глупость какая! Если Лешка прав и дело в чисто мужском нежелании распространяться о своей болезни, то что мешало назвать Игоря Петром, Сидором или Абдурахманом? И любой инициал ему припаять, букв-то в алфавите много. Спрятался за псевдоним – и рассказывай свою горестную историю во всех подробностях, ничего не скрывая. Среди материалов на флешке есть и наброски к выступлению Стекловой на заседании Криминологического общества, в котором профессор доказывала необходимость введения в научный оборот понятия «рикошетная жертва». Игорь Выходцев как раз и есть такая рикошетная жертва. Можно ли найти пример более яркий и доходчивый?

Нет, тут определенно что-то не так. Настя по очереди загружала все материалы и вводила в текстовый поисковик ключевые слова, стремясь найти историю Выходцева хоть в каком-нибудь виде, с настоящим именем или без него. «Что я делаю? – спрашивала она себя. – Зачем я это делаю? Это не имеет никакого отношения к поставленной задаче. Я зря трачу время. Но мне почему-то интересно... Надо прекращать эти поиски, они Зарубину никак не помогут. Ладно, еще одну статью проверю – и всё. И еще одну... Ну вот теперь уж точно последний материал посмотрю и больше не буду...»

– Я закончил, – зевая, сообщил Алексей. – Тебе еще долго?

Она взглянула на часы: без пяти четыре. Опять ее «хочу, мне интересно» одержало бескровную победу над «надо». Может, в этом и состоит прелесть жизни на пенсии?

– Долго, – ответила Настя. – Но я тоже пойду спать. Утром продолжу, у меня завтра нет занятий ни на курсах, ни в музыкалке, на сорок дней к Стекловой нужно идти к трем часам. Все успею.

Засыпая, она прижималась к плечу мужа и все равно думала о Выходцеве. Такой показательный случай, буквально квинтэссенция идеи – и никак не использован? Впрочем, она еще не все проверила. Завтра. Завтра...

Инга

Болезнь оказалось одновременно мучительно и приятно. Температуру удалось сбить уже на следующий день, но оставались кашель, заложенный и периодически текущий нос и сильная слабость. Инга Гесс никогда не была хиленькой и подверженной простудам, а для ежегодных осенне-зимних эпидемий ОРВИ она обычно бывала словно бы человеком-невидимкой. Крайне редко, собственно, всего три раза в жизни, вирус надевал очки и замечал здоровую активную молодую женщину без отягощенного анамнеза. В первый раз это случилось, когда Инга училась в шестом классе, и болела она с нескрываемым удовольствием: в школе скучно, вся программа еще с Машкой освоена, а дома можно лежать, читать и ни о чем не беспокоиться, кроме домашнего задания старшей сестры, но это только после обеда, а на протяжении всей первой половины дня Инга – сама себе хозяйка. Во второй раз грипп свалил ее, когда она уже работала и училась у мастеров, и тогда было ужасно жалко каждого пропущенного часа занятий. Она злилась на саму себя, нервничала, наврала участковому терапевту, что прекрасно себя чувствует, и выскочила с больничного, не долечившись. Сама, будучи медиком, понимала, что поступает категорически неправильно, но надеялась, что обойдется. Обошлось, слава богу.

А сейчас Инга призналась себе, что устала. Артем прав, в таком режиме работы она долго не протянет. И судьба послала ей необходимый перерыв, паузу, во время которой можно отлежаться, отоспаться, набраться сил.

Она бродила по квартире в халате, надетом поверх теплой пижамы, каждые несколько минут присаживаясь то на диван, то на ближайший стул: слабость не давала пройти больше десяти шагов подряд. Пыталась сделать что-нибудь полезное, где-то убрать, где-то отмыть, отчистить, через несколько минут сдавалась и отдыхала. Лежать в постели не хотелось, и она устраивалась на диване с подушкой, пледом, книгой и пультом от телевизора. Артем звонил каждые два часа, спрашивал, как она себя чувствует, мерила ли температуру, не забыла ли принять лекарства, вечером приносил пластиковые упаковки с готовой едой из ближайшего ресторана. Инге было так приятно впервые за много лет ничего не делать, ни за что не отвечать и с благодарностью принимать заботу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.